

ЭВА ГРИНЕРС

СЕРДЦЕ
СНЕЖНОЙ
КОРОЛЕВЫ

Эва Гринерс

Сердце Снежной королевы

«Автор»

2026

Гринерс Э.

Сердце Снежной королевы / Э. Гринерс — «Автор», 2026

Тамара Александровна была женой археолога, ученого. И в этом видела своё предназначение - помогать мужу осуществить его мечту. Отыскать настоящее сокровище - Сердце Снежной королевы. Увы, ему это не удалось. Когда Тамара обнаруживает, что ей дана вторая жизнь в теле северянки Аяны, она задумывается: зачем это всё, ради чего? Ответ приходит внезапно, и теперь ей предстоит сделать то что не получилось в прошлой жизни. Однако, сначала нужно выжить в условиях Крайнего Севера, где сурова и природа, и люди, и их обычаи. Впрочем, с этого приключения только начинаются. Аяне предстоит долгий путь в высший свет. А вот зачем девушке необходима аудиенция у самого императора, она будет скрывать ото всех. Потому что третьего шанса точно не может быть. БЕЗ МАГИИ! ХЭППИ ЭНД!

© Гринерс Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	19
Глава 6	23
Глава 7	27
Глава 8	31
Глава 9	34
Глава 10	37
Глава 11	41
Глава 12	45
Глава 13	48
Глава 14	51
Глава 15	54
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Сердце Снежной королевы

Глава 1

В комнате, по периметру которой располагались высокие, до самого потолка, книжные шкафы, раздавалось громкое, отчетливое тиканье. Его издавал старый обшарпанный будильник, размер циферблата которого был с пирожковую тарелку.

Как и всё в этой комнате, будильник был очень старым, но выбросить его не поднималась рука. Муж мой, Миша, всегда вставал по утрам по этому будильнику в те нечастые дни, когда бывал дома.

Здесь всё напоминало о муже, всё было его наследием: книги, учебники его авторства, фотоальбомы, папки с бумагами, рулоны географических и тематических карт с его личными пометками.

Муж был геологом и археологом, ученым, профессором, специалистом по Крайнему Северу. Изучал неизведанные еще места, искал новые месторождения. Но главной целью его жизни было отыскать настоящее сокровище - утерянный когда-то в начале 19 века артефакт, который сам он называл “Снежной бабой”, а я более романтично - “Сердцем Снежной королевы”.

Артефакт представлял собой фигурку размером с ладонь, вырезанную из мореной лиственницы, пролежавшей на дне какого-то озера или реки больше двухсот лет. В неё был врезан сапфир, размером с грецкий орех.

Миша написал о предмете своей страсти множество научных трудов, десятки статей. Его исследования и поисковая работа были объектом интереса зарубежных специалистов. Много раз исследования пытались купить, а мужа завербовать. Но Миша был предан своему НИИ, где, однако, его труды о “Снежной королеве” воспринимали прохладно, убеждая бросить это гиблое дело.

Считалось, что артефакт - практически легенда. Какие-то рассказы, непонятные зарисовки, отметки на картах, сделанные неизвестно кем, и одна-единственная старинная фотография. Скорее всего, фигурка сгорела в пожаре, вместе с одним из поселений.

Но муж не сдавался, искал почти всю жизнь, проводил раскопки, пока не подкосила его болезнь. Умер он тихо, у меня на руках. Так я осталась совсем одна.

Часто я вспоминала, как пришла на практику в НИИ, где Миша, для студентов - Галкин Михаил Романович, уже был довольно именитым, хоть и молодым ученым. Я, юная практикантка, влюбилась с первого взгляда. Для меня он был полубогом с сумасшедшим огнем в глазах.

Поженились скоропалительно в конце моей преддипломной практики. Честно говоря, я так и не поняла, почему он внезапно сделал мне предложение: на кафедре были девицы и ярче, и уверенней в себе.

Миша никого не замечал, не выделял. Он был помешан на своей работе, экспедициях, открытиях и поисках сокровищ Крайнего Севера. А я, видимо, ему просто не мешала. Наоборот, старалась помогать, с живейшим интересом слушала его рассказы, изучала и перепечатывала его труды.

Мечтала, что когда-нибудь мы вместе будем просыпаться в палатке под еловой лапой в капельках на рассвете, умываться из ледяного ручья, есть кашу с запахом костра и раскрывать тайны Севера. Такая вот научно-исследовательская семейная романтика.

Однако, первая же экспедиция положила конец всем этим мечтам. На пути туда вертолет рухнул камнем в таёжные дебри, и... я осталась инвалидом на всю жизнь. Перелом позвоночника. Миша и другие отделались легкими ушибами.

Я безропотно благодарила судьбу, что хотя бы не стала лежачей. Передвигаться могла только в пределах квартиры и то с трудом, временами с палочкой.

Муж повел себя благородно - не бросил. Хотя забыть пришлось не только о совместных экспедициях, но и о детях. Впрочем, они были ему не так уж-то и нужны.

Он по-прежнему исследовал Север, пропадал по полгода. Я понимала, что муж, скорее всего, не скучает в одиночестве, когда отсутствует дома, но никогда об этом не говорила.

Однако, Миша всегда возвращался домой ко мне, вроде бы даже был рад встрече. И я надеялась, что была его надёжным тылом, соратником, неизменной поддержкой.

По приезду разбирала рюкзаки, вещи, пропахшие травами и дымом, кормила борщом с его любимыми чесночными гренками и садилась за бумаги, которых Михаил привозил целый чемодан: нужно было разбирать и систематизировать записи мужа, чтобы перепечатать. Были там и рассказы охотников, и карты, нарисованные от руки, и данные для научных каталогов, и даже гербарии с налипшими комочками земли на корешках.

Я решила подняться и заварить чай. Теперь уже точно не засну: ночь пролетела незаметно, как будто её и не было.

Хотя сон мне, кажется, всё-таки снился. Или это было воспоминание... Они сейчас почему-то часто прилетали ко мне - слайды прошлого.

Инструктаж мы проходили накануне вылета в Красноярск. Я наконец-то познакомилась с остальной группой, состоящей, кроме нас с Мишей, из шести человек. Муж на ухо рассказывал мне кто есть кто: этнографы, географы. В основном аспиранты. Девушек, кроме меня, не было.

Инструктаж проводил пожилой коллега Михаила с круглой большой головой, его все называли Глобус, и какой-то мужчина в военной форме, очень строгий и молчаливый. Сам он ничего не рассказывал. Только слушал Глобуса, кивал и делал пометки в каком-то журнале.

Я старалась слушать внимательно, однако постоянно уносилась мысленно туда, представляя наглядно то, о чем нам рассказывали.

Вот разве я могла предположить, что комар в тайге не комар, а гнус. И видов этого гнуса то ли пять, то ли семь. У меня зазудело всё сразу, и я незаметно почесывалась через одежду.

Глобус запугивал, нагнетал:

- Даже привычные комары в тайге представляют опасность: ведь они нападают на человека огромными колониями. Эти кровососущие насекомые способны переносить малярию и лошадиный энцефалит, а защититься от них непросто.

Поэтому летом в тайге не обойтись без накомарников, перчаток и плотной закрытой одежды, - продолжал рассказывать страшилки Глобус.

Я поёжилась и прошептала Мише на ухо:

- Что же ты молчишь, что столько всего нужно: накомарники какие-то, перчатки. Зимние, что ли? Одежду я тоже летнюю набрала...

- Не переживай, - прошептал Миша, - у меня есть все, что нужно. Снарядим тебя за вечер. Зато тебя вдруг озарило, что всё серьёзно. А так и не почесалась бы.

Я хрюкнула, услышав это "не почесалась", потому что исчезлась уже вся от одного инструктажа.

А Глобус тем временем перешел к следующему пункту, однако, вдруг закашлялся и взял стакан с водой, прохрипев:

- Ребята, прочитайте вот отсюда кто-нибудь.

Миша сорвался с места и схватил тонкую пачку серой бумаги с отпечатанным на машинке текстом. Местами листочки были пробиты до дырочек.

Глобус крутил головой и постукивал пальцем. Военный продолжал делать отметки в журнале. А я старалась слушать очень внимательно.

Миша читал о том, как разводить огонь, искать воду, прятаться от дикого зверя... Тут я принялась лихорадочно записывать в тетрадь каждое слово.

В конце инструктажа я была ни жива, ни мертва. Мне всё было ясно: если я вдруг останусь одна, мне крышка. После того, как инструктаж был окончен, поднялся военный и строго спросил, не желает ли кто-то отказаться от поездки, потому что сегодня документы передаются для окончательного утверждения.

Я судорожно проглотила комок, состоящий из соблазна и слабости, и устала в стол. Мишка постоял еще на трибуне рядом с военным для важности и прошептал за наш стол.

- Не дрейфь, Томка! Выживешь! - прошептал он, сжимая мою влажную ладошку.

Следующие два дня у меня голова шла кругом от сборов. А на третий мы все, навьюченные, как лошади, вылетели в Красноярск.

На плите засвистел чайник. Сначала тихонько, деликатно, а потом громко и требовательно. Я встала, не торопясь. С того момента, как я получила травму, научилась двигаться плавно, без резких движений.

Если же случалось, к примеру, споткнуться или повернуться неловко, спину несколько раз пронзала острая боль, как будто меня насаживали на горячий шомпол.

Поэтому не торопимся, чайник никуда не денется.

- Иду, иду, - проворчала я, обращаясь к нему, как к живому. Заварив на кухне чай, вернулась в кабинет. После смерти мужа я часто оставалась спать здесь, на его диване. Можно было разглядывать золоченые корешки подарочных изданий или истёртые до прорех справочники и атласы "Минералогия", "Камни и кристаллы", "Геология месторождений".

Целый стеллаж занимали образцы пород и полудрагоценных камней. В советскую пору к нам в дом даже ребяتنю из соседней школы, где я недолго проработала учителем географии, на экскурсии водили. Славно было. Особенно, когда Миша находился не в экспедиции, а дома.

Сегодня я решила разобрать фотографии из альбома с надписью "Кедровая падь. Исследования диабаза". Многие снимки хранились между страницами, нужно было вклеить их на пустые страницы, аккуратно надписав даты. Это не было необходимым делом, может, даже и вовсе пустой труд теперь. Но я упорно приводила архив мужа в идеальный порядок. Кому-нибудь да пригодится.

Через час-два работы устали глаза, и я сняла очки. Поморгала, посмотрела вокруг, чтобы снять напряжение. Привычно встретила взгляд мужа, который смотрел на меня с большой фотографии. Серьезно смотрел, взволнованно. Очень похожий на режиссера Тарковского.

Сейчас бы разбирать его спрессованные в комки вещи после очередного похода. Или хотя бы ждать возвращения. Хорошо, когда есть кого ждать.

Словно в ответ на мои мысли, раздался звонок в дверь.

- Тётя Тома, это я! - раздался голос Светланы, моей соседки по лестничной площадке. Она всегда заходила ко мне спросить: не нужно ли чего захватить в магазине.

- Иду, Светочка! - отозвалась я и пошла ко входной двери, держа спину ровно, словно какая-нибудь царствующая особа.

- Тётя Тома, - соседка держала за руку сынишку, который тянул её к лифту, нетерпеливо подпрыгивая, - мы гулять, ну и в магазин потом. Взять вам что-нибудь?

Я улыбнулась мальчишке, который смотрел на меня исподлобья - шапка лезла на глаза.

- Спасибо, деточка, не нужно. Только вчера соцработник была. У меня всё есть.

- Может, хлебушек свежий или булочку? - не сдавалась Света, удерживая ребятенку, который повис на ней с завыванием "Ну, маааааа..."

- Хорошо, булочку возьми. Спасибо, детка! - торопливо проговорила я, чтобы только не задерживать.

Светочка махнула мне рукой, и они с сыном бегом поскакали к лифту. А я вернулась в комнату.

Проходя мимо зеркальной дверцы шкафа, задержалась. Посмотрела на себя, сравнивая с той девчонкой в сером шерстяном платье, с комсомольским значком на груди, из своих воспоминаний.

Сейчас на меня смотрела из зеркала полноватая, болезненного вида пожилая женщина в фиолетовом байковом халате. Короткая седая стрижка, круглые очки. Им лет тридцать, наверное.

Обычно я старалась выглядеть дома более собранно и аккуратно: ходить в платьях или юбках и блузках. Всё-таки жена профессора, бывший преподаватель. На случай, если заглянет кто-то из НИИ с праздником поздравить. Или из Мишиных бывших студентов, уже почтенных дяденек, посмотреть что-нибудь в архиве.

Раньше такое случалось часто. В последние же года два никто не заходил. Это время тоже ушло.

Вздыхнув, я решила поставить альбом на полку к остальным. Для этого нужно было подняться на четыре ступеньки небольшой библиотечной стремянки. Если не торопиться, ничего сложного.

Однако, когда я оказалась наверху, снова неожиданно раздался дверной звонок. Резко и пронзительно.

Вздрогнув, я неловко взмахнула рукой, хватаясь за воздух, и качнулась назад, не чувствуя опоры...

Пару дней мы болтались между аэропортами на чихающих фанерных самолетиках, и к концу пути прибыли на вертодром.

Там мы провалялись трое суток на поляне рядом с малюсеньким аэродромом. Учились разводить разные виды костров и вязать веревки из травы. Было весело. Вечерами парни играли и пели под гитару. Смотрели на огни вертодрома. Отсюда развозили участников экспедиций в точки, изучаемые специалистами разных кафедр НИИ.

Мы ждали своей очереди. Как студенческий отряд, нас постоянно отодвигали. Понимая важность работы других товарищей, мы не спорили, хотя я видела, как Миша злился и нервничал.

На исходе третьего дня к нам подбежал сотрудник порта - маленький и кривоногенький. Беспреданно шмыгая носом, он предложил нам лететь прямо сейчас, объяснив, что иначе придется ждать еще неделю.

- Поехали! Полетели! - зашумели мои попутчики.

У меня невольно сжалось сердце. "Ну, вот и всё", - подумалось почему-то. Миша ободряюще улыбнулся мне и дернул за косу. Нас наскоро запихнули в старый потрепанный вертолет. Очень объемный внутри, практически как бабушкин дом в деревне. Косенький работник растолкал нас, как мешки, на сиденья и втихоря перекрестил.

Вертолет затрясся, как будто под ним ломалась земная кора, покачался немного и резко оторвался от земли. Гудя, как слепень над полем, он метнулся туда-сюда и поднялся над кромкой леса. "Чем не море? - подумала я. - Вот оно - море тайги!"

Лететь нам было около часа. Я приготовилась разглядывать зеленые волны под нами и млела от восторга, забыв о всяких страхах. Почти все мои попутчики спали. Только Миша записывал в тетрадке что-то. Всегда в работе...

Стал накрапывать дождик. Он косо бился в иллюминаторы. Смотреть стало не на что за серой пеленой.

Меня потихоньку клонило в сон, я уже почти приготовилась подчиниться Морфею, как вдруг всё вокруг зашаталось, запахло дымом и послышался отчаянный крик пилота:

- Группируемся! Рюкзаки обнять и перед собой держать! Падаем! После падения двигайтесь в сторону носа машины! С Богом!

Я только и успела бросить последний взгляд на Мишу, обхватить рюкзак и закрыть глаза. Плотнo, изo всех сил. Желудок придавило изнутри вверх, закрутило, затошнило. Свет померк, когда наш вертолет врезался носом в одну из зеленых волн. Взметнув лопастями изумрудные брызги, он захлебнулся и упал камешком на дно...

... Летя со стремянки, я словно вернулась в тот день почти сорок пять лет назад. Желудок так же сжался, а в глазах потемнело. Как я упала на пол, ударившись о край стола, уже не почувствовала.

Глава 2

- Послушай, Сырза. Ты сказала, что с девчонкой проблем не будет. Что будет слушаться. Я тебе хорошо заплатил, еще за красоту добавил. А она, как дикая, в тайгу убежала.

Голос, старческий и сиплый, принадлежал мужчине. В ответ ему раздался женский - скандальный и визгливый. Однако, в нем чувствовался и страх.

- Уайбан, хочешь лечить - лечи, не хочешь - не лечи. А деньги возвращать я тебе не буду. Пусть хоть помрет тут у тебя. Значит, напугал ты её чем-то. Когда это от хороших мужей жёны убегали! Я самую видную дочь тебе отдала! Ты честь по чести расплатился при старейшинах, а теперь обратно плату требуешь!

Она говорила и говорила, тараторила без умолку, и я на несколько минут отвлеклась от того, что всё тело страшно болит и горит. И вообще, где я?

Глаза не открывались, как будто налитые свинцом. Руками и ногами пошевелить я тоже не могла. На меня словно бетонную плиту положили, причем колючую, как стекловата. Ощущения были отвратительные, и я попыталась привлечь к себе внимание. Простонать у меня получилось.

Голоса стихли. Несколько секунд длилось молчание, только звук потрескивающих дров слышался.

Я пока что ничего не понимала, просто хотелось глотнуть воздуха и чуть-чуть прохлады.

На моё лицо упала тень, а затем мне бесцеремонно раскрыли шершавыми пальцами сначала один глаз, потом второй. Разглядеть я ничего не успела: зрение не фокусировалось.

Зато с меня одним движением сорвали отвратительное одеяло. И хотя в помещении было страшно жарко, мне всё равно стало легче. Тело как будто прохладной волной обдало. Я с наслаждением стала вдыхать глубоко.

- Красавица... - непонятно кому сказал старик. Наверное, подозвал женщину, которая с ним спорила. Судя по звукам, та подошла ближе.

- Я же говорила, что ты не продешевил, - чуть хвастливо подтвердила она, - а то первый день узнал, что краше нашей Аяны в стойбище не найдёшь.

- Ещё бы немного, и не было бы вашей Аяны, - проворчал мужчина. - Наши хотели прямо там в тайге похоронить: она уж окоченела. Да меня испугались и решили принести. А ты за лечение платить не хочешь. Всё равно она - белая ворона среди других, и столько денег за неё ты бы не получила, неблагодарная. Стыдно, Сырза! Понос прохватит и тебя, и всех твоих ребятишек. Иди!

Женщина проворчала, что душа её чиста, ни в чем она не провинилась, и поспешно ушуршала за дверной полог.

Я воспринимала их разговор, как плод моего воспалённого сознания. Мне было очень плохо, и теперь я хотела только одного: провалиться обратно в сон, чтобы не чувствовать дикой боли во всём теле. Крепко же я разбилась. Интересно, кто меня нашел? Наверное, Светочка подняла тревогу...

В мой рот неожиданно всунули носик какого-то глиняного сосуда, и в горло полилось теплое травяное питьё. Я глотала жадно, захлёбываясь. Оказывается, мне страшно хотелось пить.

После этого я почти моментально провалилась в сон и больше уже ничего не слышала.

В следующее своё пробуждение, я сразу отметила тишину, никаких бредовых голосов. Тем не менее, открыв глаза, я поняла: то, что я вижу, тоже более чем странно.

Потолок был плоский, а стены бревенчатые и наклонные, поэтому создавалось ощущение купола над головой. На стенах развешаны шкуры и самотканые коврики из шерсти и травы.

Посередине довольно обширного жилища очаг с пылающим в нём огнем. Выше него протянуты балки, на которых висела чья-то одежда, на других - хозяйственная утварь.

По периметру располагалось несколько лежанок. Три небольших окошка, покрытых толстым слоем льда. В них играли, отражаясь, язычки пламени. Пол земляной.

Конечно же я узнала балаган. Сто раз видела и фотографии, и рисунки, и документальные фильмы. Просто поверить в это было невозможно. Ну как бы я могла оказаться в балагане? Однако, голова была ясной. Не похоже было, что я свихнулась. Хотя, смотря насколько сильно ударились.

Попытавшись приподняться, я ощутила ту самую боль. Как будто кожу живьем содрали. Судя по симптомам, которые я знала в теории наизусть, это были обморожения.

И вот этого уж точно никак не могло быть: я на улицу уже много лет не выходила.

От двери послышался голос. Я не заметила, как вошел хозяин.

- Лежи, не вставай. Я тебя примочками обложил, чтобы шрамов не осталось. Сильно обморозилась.

Пораженная, я молчала, не зная, как реагировать.

- Ты, Аяна, больше не вздумай от меня бегать. Мачеха тебя не примет обратно, ни один дом не примет. Будешь у меня под порогом замерзать, и я не впущу, - он хотел еще продолжать свою речь, однако за стенами дома послышались голоса и лай собак. Мужчина вышел, а я так и осталась лежать, открывая беззвучно рот от изумления.

Поскольку я почти что пришла в себя, не считая болевых ощущений по всему телу, то отчетливо понимала, что обращался мужчина именно ко мне. А значит и раньше они с этой сварливой Сырзой говорили тоже обо мне.

Это выглядело как бред сумасшедшего, но мой аналитический ум оперировал языком фактов. Уже примерно предполагая, что увижу, я, стараясь не поддаваться панике, которая ничем бы мне сейчас не помогла, опустила глаза вниз.

Даже под толстым одеялом было видно, что тело моё внезапно стало очень худеньким. Наверное, такой я была, только когда вышла замуж. Потом, после аварии, уже никогда.

Сделав усилие, я откинула одеяло, обратив внимание на свои тонкие, но крепкие руки. Под одеялом в полотняной влажной рубашке лежало незнакомое юное женское тело. И тем не менее, оно принадлежало мне. Я жила в нём, дышала и двигалась. А еще на открытых участках были видны обморожения и ощущалась неслабая такая боль. Однозначно, это была я.

Прикусив губу, я осторожно, чтобы не сдвинуть повязки, вернула одеяло обратно. Наверное, если бы я не имела отношения к науке, отреагировала бы истерикой. Уж больно невероятное открытие. Но я привыкла анализировать факты и версии. И никогда раньше не говорила “этого не может быть”. Да может быть всё! Какие только дичайшие теории не находили подтверждения в последствии. Знать бы, что с этим всем теперь делать и как жить. Я даже не знала, надолго ли со мной эта трансформация. Может, вообще, я сейчас моргну и очнусь в своём старом, скрипучем и искалеченном теле.

Для чистоты эксперимента я даже поморгала. Ничего не изменилось. Более ничего я пока поделать не могла, поэтому прикрыла глаза снова. Странно, но особого шока или страха не было. Наверное, какая-то внутренняя система сохранения рассудка сработала.

В голове у меня крутилась строчка из песенки Высоцкого “Хорошую теорию придумали индусы, что мы, отдав концы, не умираем насовсем”.

Спасибо, господи, что хоть в баобаб не переродилась. И кто там еще в этой песне был...

Хотя если припомнить разговор старика и женщины, то, возможно, стоять колыхать листочками в саванне было бы спокойней, чем лежать здесь. Проданной, как живой товар.

Ладно, с этим мы разберёмся. У нас вообще-то давно в прошлом и рабовладельческий строй, и крепостное право...

Тут меня озарила еще одна мысль, вернее один большой вопрос. Кто сказал, что это в прошлом? Ведь я не имела понятия не только: кто я, но и “когда” я. Одно успокаивало: я, судя по всему, на знакомом до последней снежинки, Крайнем Севере.

Вернулся Уайбан, поговорив с кем-то на улице. Мне в тот момент было не до того, чтобы прислушиваться.

Я лежала, не шевелясь, делая вид, что сплю. Но подскочила, как ужаленная, когда почувствовала шершавую руку на своей грудной клетке.

- Не смейте меня трогать! - заверещала, прижавшись спиной к бревенчатой стене. Над лежанкой была натянута медвежья шкура, жесткие шерстинки которой теперь нещадно кололи меня сквозь рубашку.

Уайбан сплюнул на пол, зло зыркнув на меня.

- Ты жена моя! Сейчас вышвырну голой на снег, чтобы знала, как мужу перечить!

На снег мне не хотелось, значит, нужно было как-то по-другому договариваться.

- Мне больно, - всхлипнула я почти не притворно. Конечно, если бы я была здорова, уверенности во мне было бы побольше. Как-нибудь я его одолела бы. Но у меня чуть ли не половина тела была обморожена, и любое движение причиняло боль. Окажись я сейчас на снегу, как он мне пригрозил, погибла бы в считанные часы.

Прикрыв лицо руками, я сделала вид, что заплакала, внимательно наблюдая за Уайбаном сквозь пальцы. Кожа на руках и ногах адски болела, так что притворяться почти не пришлось.

Я увидела, что хоть лицо его и не изменилось, он несколько замешкался.

- Ложись в постель, женщина, - процедил он. - Я смотрел, не горишь ли ты. Сейчас дам тебе пить траву, и не вздумай брыкаться, как дурная лосиха. Выхожу тебя - разберемся, что мне с тобой делать. Ложись, говорю!

Всхлипнув еще несколько раз для порядка, я опустила на лежанку. И когда Уайбан поил меня из чайничка с каким-то зельем, а потом менял повязки, не протестовала. Сил не было. Да и всё, что он со мной делал, приносило облегчение.

- Спасибо, - машинально пробормотала я сквозь сон. Наверное, в питье была какая-нибудь сонная трава. Боль немного утихла, стала терпимой.

Сквозь ресницы наблюдала, как старый Уайбан сидел напротив очага почти неподвижно. Всё старалась угадать какой он национальности. Соотносила его черты с чукчами, нанайцами, эвенками - и ничего не сходилось.

Впрочем, хозяин дома мог обладать нестандартной внешностью, например... Или его народ не дожил до моего времени.

Уайбан курил трубку, выпуская клубы дыма, пахнувшего странно и незнакомо. Его морщины были подсвечены красным огнем из очага, и лицо выглядело, как земная кора с разломами, наполненными магмой.

- Что смотришь, спи, - сказал вдруг он, не глядя на меня.

И я провалилась в сон почти моментально, не успев удивиться.

Глава 3

Я жила в доме Уайбана третью неделю, и только сейчас он разрешил мне подниматься. До этого я вставала только чтобы ходить в туалет, который устроил мне в хотоне (постройке для скота) Уайбан, согласившись, что отхожую яму на улице я пока что посещать не в состоянии.

Хотон традиционно был пристроен к дому для дополнительного тепла. Вход в него располагался прямо напротив входа за очагом. Там обитали саха ынага - якутские коровы, пара лошадей, а также овцы в загончике.

Животинки косились на меня доверчиво и робко, волновались потревоженно, когда я пробиралась к своему берестяному ведру, преимущественно ночью или в отсутствие Уайбана. Пахло здесь, как в обычном хлеву, в который когда-то я ходила маленькой с бабушкой в деревне. Запах был знакомый, из детства, поэтому успокаивающий.

Днем в хотон приходили двое работников, ухаживали за скотиной. В это время я старалась сидеть тихо и не показываться никому на глаза.

Лежанка моя находилась на “женской” половине жилища. Обычно в семьях на этом месте спали незамужние дочери хозяев. Или даже замужние, но не покинувшие отчий дом молодые женщины, ожидающие, когда их мужья полностью выплатят за них калым отцу. Раньше этого переехать в дом мужа они не могли, хотя им позволено было время от времени встречаться.

По всей видимости, у Уайбана никого не было. Мне хотелось спросить его о причинах его одиночества, но я не решалась. Скорее всего, это не было секретом для его односельчан, и мой интерес показался бы странным.

Пока что сожительствовали мы мирно и практически молча. Я не хотела привлекать к себе внимание, опасаясь, что хозяин начнет претендовать на место в моей постели по своему законному праву. Но пока что обходилось без этого. Может, потому, что я еще не вполне восстановилась.

Зная, что у якутов не принято мыться, я приспособилась это делать, когда Уайбан отсутствовал дома. Просто зачерпывала снег за дверью и растапливала возле огня. При мысли, что мне когда-нибудь придется посетить с остальными соплеменниками “общественную баню”, мне становилось плохо, и я про себя решила, что лучше ногу себе сломаю, только бы не проходить через эту процедуру.

Я, конечно, не могла знать на сто процентов, как именно это происходит здесь, но в общих чертах, представляла.

Жители села собирались в одном из балаганов, жарко натапливали очаг и надевали на себя всю имеющуюся одежду. Под ней они парились, а затем скребли друг друга костяными или деревянными скребками. После этой процедуры обильно обмазывались свежим слоем жира и расходились до следующей “помойки”.

Несмотря на кажущуюся дикость гигиенической процедуры, жители севера были вовсе не дураки. Именно этот обряд спасал их от болезней и даже летней напасти - гнуса. Все попытки приучить северные народы мыться “культурно”, принесли им большие проблемы со здоровьем. Как и любое грубое, невежественное вмешательство в естественную среду обитания.

Однако, когда я читала все эти научные статьи, в том числе и Мишины, сидя у себя в благоустроенной квартире, рассуждать об этом было проще. Если не примерять это на себя.

Конечно, по-хорошему нужно было делать отсюда ноги, но податься мне было совершенно некуда. За стенами дома лютая зима, минус пятьдесят, наверное. В бывшей семье Аяну тоже вряд ли ждут. Оставалось надеяться, что получится договориться с моим так называемым мужем.

Каждый вечер меня начинало трясти мелкой дрожью: а вдруг потребует сегодня?... Но Уайбан, отужинав, закуривал неизменную трубку и располагался напротив огня. Тогда я успокаивалась и засыпала.

В один из дней, проснувшись, я увидела возле своей лежанки стопу новенькой на вид одежды на низеньком табурете. Расшитый нарядный таналай - кафтан с широкими укороченными рукавами, конусовидный головной убор с пушистыми отворотами из белого нежного меха. Рядом стояли серо-черные высокие сапожки из оленей шкуры. Костюм выглядел очень дорого. Я вытащила руку из-под шкуры и погладила опушку на шапке.

- Пора тебе вставать, а то сила из тела совсем уйдёт. Одевайся, - Уайбан, оказывается, стоял у меня в изголовье. От неожиданности я подпрыгнула.

Поскольку я была в нижней рубашке, снимать которую не полагалось, перечить не стала. Молча поднялась и, немного путаясь, принялась облачаться в новый наряд.

Наверное, стоило поблагодарить “мужа” за щедрый подарок, но я лишь кивнула ему. Он же, не стесняясь, разглядывал меня. В узкой прорези глаз мелькнуло что-то вроде удовлетворённой хмылки. Я поёжилась.

- Нравится? - вызывающе спросил меня старик.

Пожав плечами, я ответила равнодушно и коротко:

- Красиво.

Он, теперь уже недовольно, скривил губы и отдал распоряжение:

- Поесть приготовить к вечеру. Люди придут.

Я растерянно оглянулась.

- Какие люди, сколько? Что приготовить?

Уайбан ответил через плечо уже на выходе:

- Старейшины, твоя семья. Ты будешь выбирать день свадьбы.

Он вышел, а я тихонько опустилась на свою постель. Значит, он мне еще не муж? Не означало ли это, что у меня есть хоть какие-то пути для отступления? Это нужно было обдумать, как следует. Но еду приготовить тоже, на всякий случай.

Я всё еще сидела в растерянности, не зная, с чего мне начинать, когда вернулся Уайбан.

- Ааа... - попыталась я сформулировать вопрос о предполагаемом меню, но так и не смогла.

Уайбан разразился длинной тирадой, общий смысл которой отражали фразы “на свою голову”, “на старости лет”, “заяц в мешке” и “вляпался в медвежью кучу”. Из всего сказанного я поняла, что он крупно за меня переплатил.

Уайбан снова ушел и вскоре вернулся с тремя женщинами: одна была постарше, две помоложе, примерно моего возраста.

Войдя, они почтительно меня приветствовали, с любопытством оглядывая. Я тоже на них уставилась, думая о том, что выгляжу, наверное, примерно так же. До сих пор у меня не было возможности увидеть своё лицо.

Все женщины были очень похожи между собой: кожа светлая, каштановые волосы заплетены в затейливые косы с украшениями. Костюмы их были похожи на мой, но далеко не такие красивые и нарядные. Уайбан, без сомнения, сделал своей невесте роскошный подарок. Наверное, положение обязывало. Да и Сырза вряд ли собрала падчерице приличное приданое, точно какое-нибудь тряпье.

Молодые девчонки хихикали в кулачки и шушукались между собой. Женщина постаралась скрыть улыбку и обратилась к Уайбану почтительно:

- Мы всё сделаем, поможем. Аяна просто ещё не пришла в себя, так долго болела. Тише вы, сороки! - повысила она голос на девушек.

Закрутилась хозяйственная кутерьма. Женщина, её звали Тэбия, быстро распределила обязанности. Одна из девушек принялась взбивать сливки в низкой чаше специальным дере-

вянным венчиком, другая - варить какую-то кашу из пахты. Сама же Тэбия взялась за приготовление кровяной колбасы.

- Садись, Аяна, не стой. Вот, возьми ложку, помешивай.

Я присела рядом неуверенно. Женщина явно была добрым человеком: от неё исходило ощущение тепла и надёжности.

- Как ты тут? - негромко спросила она меня. И, не дожидаясь ответа, покачала головой.

- Бедная девочка, досталось же тебе.

Я так и не поняла, что она имела ввиду. В самом деле, из того, что мне выпало, всё было такое вкусное: и тебе - злая мачеха, продавшая меня старику, и вынужденный брак, и почти погибель в зимнем лесу. На всякий случай уточнять я не стала.

Постепенно низкий стол наполнялся готовыми кушаньями, в основном молочными. Я знала, что якуты очень редко употребляли в пищу мясо, поэтому меня это не удивило.

Между тем, Уайбан принёс со двора кусок замороженной туши, отдал одной из девочек, Мотоне. И она, не задавая вопросов, стала нарезать его тонко-тонко, на почти прозрачные лепестки.

- Аяна, давай я тебе волосы заплету, - предложила вторая, Кюннэй, которой явно надоело готовить.

Я взглянула на Тэбию, словно спрашивая у неё разрешения.

- Сделай, - кивнула она Кюннэй. Та вскочила и усадила меня на низкий табурет.

- Повезло же тебе, - не скрывая завистливого тона, протянула она, проводя ладошкой по вышивке моего танала. - Богаче Уайбана у нас никого и близко нет. Эх, взял бы он меня, я бы заставила его каждый день мне что-то дарить. И дом был бы самый видный. А когда приезжали бы нууча, я покупала бы у них всё самое дорогое и красивое!

“Нууча - они же так русских называют, - подумала я, - значит, они здесь бывают!”

Да уж, Уайбан явно ошибся с выбором жены для себя. Кюннэй подходила ему идеально. Девушку, похоже, ничуть не смущал возраст моего “молодого” мужа.

- Готово! - объявила она, любуясь своей работой. - Вот, смотри, - с этими словами она сунула мне под нос маленькое зеркальце в тоненькой медной оправе.

Преодолевая внутреннюю дрожь, я взяла его и впервые взглянула на своё отражение.

Стало ясно, почему старый Уайбан польстился на меня, бесприданницу. А также, почему Аяну называли “белой вороной”. Черты девушки в зеркале были наполовину как будто славянские: большие светлые глаза, овал лица сердечком. Тогда как лица Тэбии, Мотоны и Кюннэй напоминали блинчики с карими узкими глазками.

- Нравится? - потребовала ответа Кюннэй, расправляя косу на моём плече.

- Очень красиво, - призналась я самой себе, не в силах оторвать взгляда от незнакомки в зеркальце.

Глава 4

Тэбия ушла в сопровождении девушек уже некоторое время назад. Вот-вот должны были прийти почетные свидетели, при которых я, по обычаю, должна объявить день свадьбы. И я уже знала, что скажу им...

То, что я задумала, могло помочь мне выиграть время, за которое, возможно, придумаю, как уйти отсюда. Правда, вот чем грозил мой бунт, не знала. Но в любом случае, не выходить же мне за этого старика только потому, что меня заставили очнуться в теле этой несчастной девушки. Как же она не хотела быть проданной замуж, что сбежала куда глаза глядят на верную смерть. Мне было очень жаль бедняжку. Но сейчас я думала, как спасти себя. Не хотелось верить в перерождение ради того, чтобы оказаться замужем за дремучим шаманом.

Гости сидели вокруг низкого широкого стола и степенно вкушали угощение. Уайбан сидел рядом с моей мачехой, которая была представителем семьи невесты, как самая старшая.

Сырза сияла. Наряжена, как будто её саму сосватали. Скорее всего, она бы вперёд сватов побежала, если бы выбор Уайбана пал на неё. Я вздохнула, стоя в своём углу у очага.

- Ну, Аяна, называй время! - приосанился один из старейшин.

- Да-да, пора переходить к делу, - аж подпрыгнула Сырза. Она, наверное, в глубине души беспокоилась, что я опять что-нибудь выкину, и ей придётся возвращать Уайбану лошадей, монеты и чем там еще за меня расплачивались.

Уайбан смотрел на меня внимательно, без тени улыбки.

- Хочу свадьбу в середине лета, - выдохнула я. Мне показалось, или я не дышала уже долго?

Воцарилась тишина. До середины лета оставалось как минимум полгода. Всего лишь. Помоему, присутствующие готовились отпраздновать радостное событие через несколько дней.

- Сейчас, - пообещала им слащавым голосом Сырза, поднимаясь. Насколько медовым был её тон, настолько же ядом ненависти был наполнен её взгляд, брошенный на меня.

Затолкав пинками в хотон, она притиснула меня мощным мускулистым телом к стене, а затем, дернув за косу, дала затрепину тяжелой рукой. Да так, что в голове у меня как будто колокол зазвенел. Я попыталась её оттолкнуть, но эта тётка была гораздо тяжелее меня, и я попросту не могла пошевелиться под её весом.

- Уууу! Нууча проклятая! Одни беды от тебя! Вот надоедят Уайбану твои выходки, пой-дешь медведей кормить. Так и знай!

Я молчала, не считая нужным спорить с этой гадиной, а она продолжала:

- Все беды от тебя! Вся в мать! Такая же ведьма строптивая была!

Некоторые кусочки пазла тут же сложились в моей голове. Значит, отец Аяны взял в жены русскую девушку. Отсюда мои причудливые черты лица. Также стало понятно, что их обоих, скорее всего, на этом свете уже не было. У Аяны из близких оставалась только эта мегера, да еще сводные братья и сестры. Вряд ли им внушали любовь к старшей сестре.

К нам вышел Уайбан.

- Я буду говорить с Аяной, - сказал он, словно не замечая того, что Сырза держит меня за горло.

Мачеха нехотя отошла и молча скрылась за дверью.

Уайбан постоял, чуть покачиваясь, как маятник из стороны в сторону. Я ждала, что он скажет мне. Сейчас от его решения зависела моя судьба, а может быть и жизнь.

- Иди и скажи, что ты передумала, - послышался, наконец, его голос. Тон - ровный, холодный, как ледяной наст.

- Не могу, - прошептала я в ответ и закашлялась: Сырза придавила мне горло, и теперь оно нещадно першило. - Я просто не могу этого сделать. Лучше уйду. К медведям, на мороз, куда угодно...

- Глупая девчонка! - вскричал Уайбан и сплюнул. - Упрямая дикая лосиха! Мачеха тебя не пустит обратно! Ты околеешь в сугробе!

- Или так, как я сказала, или отстаньте от меня все, - я подняла взгляд на Уайбана и смотрела на него прямо и твёрдо. - Есть много желающих составить с вами пару! Что вы в меня-то вцепились?

Глаза шамана на несколько секунд округлились от изумления, я даже смогла разглядеть цвет радужки - красновато-карий. По-моему, он впал в ступор от моей дерзости и наглости. А еще, по-видимому, от глупости.

- Тьфу, дернули меня черти сговориться с Сырзой насчет тебя!

- А меня вообще кто-то спросил? - парировала я.

Уайбан озадаченно потирал подбородок с плешевой бородёнкой. Мысль спрашивать о чем-то невесту, наверное, не приходила ему в голову раньше.

- Ты, может, с кем-то сговоришься уже? Жених был? - попытался он прояснить ситуацию. Спыхватился, ага, как раз вовремя.

В общем-то, я тоже этого не знала, но отрицательно покачала головой.

Уайбан развел руками, мол, тогда ничего не понимаю. Действительно, в чем проблема?

- Пойдём к людям, - наконец решился он.

И я пошла за ним, хотя можно было бы, наверное, и сразу идти на улицу: всё равно выгонят.

Старейшины шумно обсуждали молодежь в моем лице, осуждали отсутствие строгого воспитания. Сырза нервно расхаживала взад-вперед. Представляю, какие проклятия она посылала на мою голову.

При нашем появлении все замолчали, а мачеха застыла на месте, сверля меня глазами.

Они ждали решения. Я ждала его тоже.

- Свадьба состоится в середине лета, - объявил Уайбан.

Старейшины одновременно громко заговорили, Сырза выдохнула шумно. Я же стояла, не зная, что мне делать дальше.

- А жить-то где она будет? - Сырза выкрикнула вопрос, который сильнее всего её беспокоил.

Уайбан покачался, прикрыв глаза. Наверное, обдумывал ответ.

- Я заплатил калым полностью. Может жить здесь, если хочет, - проговорил он медленно.

- Да-да, пусть, - торопливо подтвердила Сырза.

- Она может и домой вернуться до свадьбы, Сырза. Дом еще отец её строил, когда первый раз женился, - укоризненно покачал головой один из старейшин. - Ты где будешь жить, Аяна?

Посмотрев на перекошенное лицо Сырзы, я неуверенно ответила:

- Если Уайбан не против, я, пожалуй, осталась бы здесь.

- Так тому и быть, Аяна остаётся в качестве гостьи, - хлопнул себя по коленке другой старейшина. - Странное дело. Но обычаев наших ничто не нарушает, поэтому уладили!

- Но если что случится, калым не придётся возвращать? - Сырза высказала ещё одно своё опасение.

- Да, это надо обсудить, - важно кивнул самый пожилой из гостей. - Уайбан много заплатил, еще и всё сразу. Ты, Сырза, могла такой калым и много лет получать по частям, а тут...

- А жену не получил, однако, - заметил третий, прихлёбывая кумыс.

- Может, если Аяна снова сбежит, Сырза отдаст Уайбану другую дочь, уже без калыма, и они будут в расчёте? - внес рацпредложение второй, с окладистой, черно-белой, как бритвенный помазок, бородой.

Я прикрыла лицо ладонями, потому что меня вот-вот готова была накрыть нервная истерика от идиотизма происходящего. Губы уже сами собой растягивались в улыбке. И показывать этого не стоило.

Посоветовавшись, старейшины приняли решение, что если свадьба не состоится по моей вине, то калым придётся вернуть.

Лицо Уайбана выглядело непроницаемым, больше он ничего не комментировал. Мне даже как-то жаль его стало.

Позже, когда гости откланялись, я принялась убирать со стола. Остатки еды Уайбан отнес собакам. Те радостно повизгивали и чавкали, пока он кормил их за дверью.

Затем он вернулся и сел перед очагом, как обычно. Я тихонько присела, думая: заговорить мне с ним или лучше притвориться невидимкой.

- Спасибо, что не выгнал на мороз, - тихо проговорила, глядя на его неподвижный профиль.

Уайбан махнул рукой, не глядя на меня.

- Дурак я и старый пень, - сообщил он внезапно. - Нужно было выгнать и другую жену брать. А я пожалел.

Можно было бы, конечно, утешить его, что, мол, я ненадолго, до тепла пересижусь и поминать, как звали - но промолчала, конечно. Расстроенному шаману было явно не до шуточек.

Я принялась раздеваться, а затем нырнула под одеяло, с наслаждением вытянув ноги. Представила, что в этот момент могла бы сидеть где-нибудь в сугробе, пусть даже и в новом нарядном костюме, и содрогнулась. Будь на месте Уайбана другой, так и было бы. Да и костюм бы отобрали.

Я смотрела на огонь со своего места, пока глаза не стали слипаться.

Наутро поднялась раньше обычного и принялась чистить очаг. Сложив щепу для растопки, стала складывать бревнышки покрупнее.

- Что это ты делаешь? - спросил Уайбан, входя с улицы.

Я оглянулась.

- Пытаюсь помогать по хозяйству. Не буду же я просто сиднем сидеть до лета.

И только через минуту сообразила, что ляпнула. До лета.

Впрочем, Уайбан ничего на это не ответил, даже головы не повернул. Наверное, сделал вид, что не заметил или не расслышал.

Я попросила его показать, где лежат продукты, и он, так же не глядя на меня, принялся показывать мне амбар и хоспох - помещение для хозяйственной утвари.

Здесь на полках была расставлена всяческая посуда. Тууайс - берестяные сосуды с деревянным дном и деревянной съемной крышкой. Сшиты они были шнурами из конского волоса. Кытыйа - деревянные чаши с орнаментом и медными ободками. Чороон - выдолбленные из дерева кубки для питья кумыса.

Я с внутренним восторгом брала в руки посуду и рассматривала, забыв, что для меня это всё должно быть привычно и обыденно.

- Какое всё красивое! - искренне восхитилась я, словно была на экскурсии в историческом музее.

Хозяину было явно приятно это слышать. Лицо его смягчилось, а на губах под желтоватыми усами то и дело мелькала довольная улыбка.

- Приготовлю обед сама, хочешь? - предложила я.

Уайбан степенно кивнул и отправился куда-то по своим делам. А я вернулась в дом.

Глава 5

Обнаружив среди припасов замороженные ягоды княженики и земляники, я первым делом сварила вкусный ягодный напиток со вскипяченными сливками, взбитый потом мутовкой в густую эмульсию.

Когда-то я с интересом читала об истории якутской кухни, удивительно своеобразной. Однако дома у меня не возникало мысли приготовить что-либо из неё. Как будто не к месту было.

Миша, приезжая, просил меня сварить борщ, приготовить пирожков, котлеток, ароматной жареной картошки с чесноком. Ему надоедали экзотические угощения северных аборигенов, так же как и суровая походная кухня.

Попробовав приготовленный по памяти напиток, похожий на растаявшее мороженое или какой-нибудь ягодный мусс, я даже зажмурилась от удовольствия, сделав ещё глоток. У меня получилось очень вкусно.

Не зная, одобрит меня Уайбан или нет, я решила потушить ещё и мясо с кореньями, также обнаруженных в берестяных туесках.

С замороженным мясом пришлось повозиться, отпиливая от него куски костяной пилой. Кажется, это была оленина. Но точно определить я не смогла.

Расположившись сбоку у очага, где накануне мы с Тэбией и девушками готовили еду для гостей, я приступила к приготовлению жаркого. Коренья и грибы пока что отмокали в плошке.

Нарезав кусочками ледяное мясо и сарану, луковое растение, я зачерпнула ложкой топленый жир и кинула его в сковороду с высокими бортами.

Когда там уже шкворчало мясо с луком, вернулся Уайбан. Я обернулась, глядя на него в ожидании.

Он потянул носом, хмыкнул непонятно, но ничего не сказал. Присел рядом со мной и протянул руки к огню. Я продолжала помешивать варево. Сначала нерешительно, а потом махнула рукой: если сразу ничего не сказал, значит, не против. Выложила грибы с кореньями в мясо, подлила воды и прикрыла крышкой. Аромат стоял умопомрачительный.

Уайбан невольно сглотнул, а я усмехнулась, довольная собой.

- Хочешь попить? - предложила я ему ягодно-сливочный коктейль, густой и еще тёплый.

Он молча кивнул и принял у меня из рук деревянный стакан. Пил явно с удовольствием, не отрываясь, смакуя каждый глоток. Затем отер усы и бороду рукавом.

- Хорошо, однако, - сдержанно похвалил меня и сообщил: - Сейчас соберусь, и ты пойдёшь со мной. Будешь учиться и помогать.

- В чем помогать, куда пойдём? А обедать?

Уайбан закуривал трубку, не считая нужным отвечать. Я пожала плечами и отодвинула мясо с огня: оно было готово.

- Ладно, положи. Поем, - всё-таки решил он.

Ел он быстро, явно куда-то торопясь. Мне было сказано собираться, и поскольку никаких пояснений не последовало, я просто оделась за спиной шамана и присела на край своей постели.

Между тем Уайбан закончил свою трапезу и отставил миску, удовлетворенно крикнув. А потом открыл устрашающего вида сундук, стоящий у изголовья его лежанки, и принялся копаться в нем, доставая какие-то ароматные мешочки и глухо гремящие коробочки. Всё это он складывал на холщовую квадратную тряпицу, которую потом связал в узел. Сняв со стены бубен, украшенный всякими подвесками, он мотнул головой, показывая, что мне нужно следовать за ним.

За крепкими стенами жилища было жемчужно-светло. Словно пропущенный через несколько плотных фильтров свет был мягким. Так выглядела в этой полосе полярная ночь. Не крошечная тьма, а словно подсвечено всё: очень деликатно и неярко. На чистом сером небе у горизонта играли бежевые и зеленоватые всполохи северного сияния.

У меня захватило дух от этой красоты и сдержанного, сурового великолепия. Очнувшись я от бесцеремонного толчка Уайбана.

Мы стояли перед легкими одноместными санями с белой собакой в упряжке. Собака переминалась с лапы на лапу, преданно глядя на хозяина и поскуливая. Ей не терпелось пуститься бегом по белоснежному насту на котором виднелись только утренние следы от унтов Уайбана да птичьих лапок. Наверное, пернатые иногда харчевались у собачьих мисок.

- А куда мы? - спросила я, подходя к саням и протягивая руку к пёселю, чтобы потрепать его по крупной башке.

- Сына Омайона деревом придавило в тайге. Совсем плох, духов просить надо, чтобы помогли. Садись, поместимся.

- Каких духов? Чем они помогут? Наверное, его в больницу надо, - брякнула я, устраиваясь поудобнее на шкуре.

Взгляд Уайбана полоснул меня, как холодное лезвие. Он сплюнул, плевок на лету превратился в ледышку. И ничего не ответил. Я прикусила язык и молча смотрела ему в спину, пока мы ехали - очень недолго. Полоса заснеженного леса в этом месте подступала к посёлку почти вплотную. До него было каких-то метров сто-сто пятьдесят.

Ветки деревьев были покрыты пушистым снегом и клонились к земле. Как в сказке. Красивой и суровой. Наверное, поэтому и не повезло сыну незнакомого мне Омайона: оказался под деревом, которое не выдержало тяжелой снежной шубы и придавило его.

Мы остановились у юрты размером вдвое меньше, чем наша. И двор был заметно скромнее.

Когда мы вошли, я чуть не задохнулась прямо у порога: натоплено было, как в бане, а народу - яблоку негде упасть. Мужчины, женщины, дети. Шум и гвалт. Я подумала, что в такой обстановке: тесноте и влажной духоте, и здоровому-то запросто можно отправиться к праотцам, а уж тем более искалеченному парню.

Когда мы подошли к лежанке, которую хозяева придвинули к печи, дышащей жаром, по моей спине уже бежали капельки пота, лицо тоже покрылось испариной. У изголовья больного сидели две женщины. Одна, по всей видимости, его мать. Другая - молодая или жена, или сестра. Лица их были заплаканы. Они касались лица и плеч парня, читая вполголоса какие-то молитвы.

Уайбан подошел к больному, бегло осмотрел его. Ощупал грудь, руки и ноги. Затем достал один из мешочков и сыпанул в огонь какой-то порошок. Смоляной запах наполнил помещение, дышать стало еще тяжелее.

Нам освободили некоторое пространство, однако народ сзади напирал, хотя и стало немного тише.

Не выдержав, я присела рядом с Уайбаном, который перебирал свои снадобья.

- Что с ним? Он выживет? Здесь так душно, от одного этого умереть можно. Зачем сюда набились вся деревня?

Уайбан, не глядя на меня, ответил отрывисто:

- Если не разогнать абаахы, то не выживет. Люди здесь, чтобы тоже получить защиту. Спрашиваешь, как вчера родилась.

- У меня от духоты голова не соображает. Спечься можно заживо.

Уайбан тем временем снял со спины свой бубен с побрякушками, принялся касаться его тихонько, будто поглаживая.

Стало совсем тихо. Даже дети перестали возиться и пищать. Слышны были только глухие ритмичные звуки бубна и самого Уайбана, который затянул какую-то горловую песню, не разжимая губ.

Раскачиваясь, он проводил ритуал, отгоняя злых духов. Мне ничего не оставалось, как набраться терпения и ждать, когда эта пытка закончится. Смысла в своём здесь нахождении я не видела, однако выйти не посмела.

При первой же паузе снова обратилась к шаману:

- Мне нехорошо, можно я выйду на воздух?

Вместо ответа Уайбан сунул мне в руки два мешочка и велел заварить травы.

- Никому в руки не давай, сама. Поняла?

- Поняла, - раздраженно буркнула я.

Парень, над которым колдовал Уайбан, лежал так же неподвижно. Глаза были словно обведены черной краской, на лбу крупные капли, что было совершенно неудивительно.

Я прошла к кухонной части юрты. За мной молча последовала молодая женщина, сидевшая до этого у изголовья.

- Мне нужен кипяток. Заварить вот это, - показала я мешочки с измельченными сухими травами. У одной из них был противный знакомый запах. Я сунула в нее нос: ну точно, крапива. От внутренних кровотечений. Вторую травку я опознать не смогла. Нужно будет потом спросить.

- Аяна, скажи, Арчын поправится? - голос молодой женщины срывался на слёзы.

Я не знала, что сказать. Погладив её по плечу, пробормотала:

- Уайбан сделает всё, что сможет.

Вернувшись к больному, я протянула шаману две чаши с настоями. В тот момент Уайбан раскрыл бедного Арчына и мямлил ему живот.

Приняв у меня заваренную траву, он ловко открыл рот парня и влил в него жидкость. Затем посидел, покачиваясь.

Потом поискал глазами хозяина дома.

- Омайон, я забираю его. Нужно с ним сидеть долго.

Старый Омайон трясущимися руками стал совать Уайбану что-то завернутое в тряпицу.

- Вот, Уайбан, всё, что есть у меня. Я отдам весь скот, всех собак. Только отмоли сына. Не пусти его в анаара дойду. Пусть абаахы мою душу возьмут...

- Несите его в сани, - распорядился Уайбан, забирая оплату.

Я ободряюще кивнула женщине, которая говорила со мной, и поспешила на выход. На улице уже стемнело, воздух был ледяным и резким. Капли на лице моментально превратились в корку льда.

Арчына положили на шкуры в сани, мне осталось местечко с краю, Уайбан пошел рядом, отмахнувшись от суетливых предложений хозяина взять его нарты.

- Не нужно. Недалеко идти, - бросил он. И мы отправились домой.

Уайбан шел на удивление легко и бесшумно, словно скользил над настом вровень с санями. Собачка, застоявшись, бежала резво. Я вдыхала холодный воздух полной грудью, вполне отдавая себе отчет, что могу застудить бронхи. Но надышаться никак не могла.

Доехав, мы вдвоём перенесли Арчына, уложили на тахту.

По сравнению с жилищем Омайона, у нас было просторно и воздуха достаточно. Я помогла Уайбану укладывать парня, а затем спросила, чем еще могу помочь.

Шаман задумался.

- У него внутри кровь идёт вот здесь, - он указал на живот, задрал рубаху Арчына. Под ребрами действительно виднелась большая гематома. - Нужно поить его травами очень часто. Я всё приготовлю, а ты можешь меня сменять. Только следи, чтобы он не горел сильнее, чем сейчас.

- Могу сейчас с ним посидеть, - торопливо сказала я. - А ты потом. У меня прямо руки чесались: хотела остудить лоб парня и откинуть с его тела тяжелую шкуру.

- Ну, хорошо, - кивнул шаман. - Сейчас всё заварю и прилягу. Разбуди, как устанешь.

Я провела рукой по лбу парня. Мне показалось, что температура у него была под сорок, не меньше.

Уайбан поставил рядом со мной две больших чаши, а сам завалился на свою постель, не раздеваясь и даже не разуваясь.

А я, оглядываясь на него, первым делом раскрыла парня. Затем смочила в холодной воде припасенную тряпицу и положила ему на лоб.

Глава 6

За ночь Арчын несколько раз приходил в себя, открывал глаза, просил пить. Я тихонько говорила с ним, поила водой и травами. Температура спала немного, но парня лихорадило. Наверное, ему было больно. Потому что когда он проваливался в забытье, начинал постанывать жалобно, как ребенок. Он и был ещё очень молод, не больше двадцати лет. Некрупного телосложения, но жилистый. Кисти рук были несоразмерно большими. Парень шевелил длинными красноватыми пальцами, мял рубашку на животе, касался плотной повязки, которую сделал ему шаман.

Закашлял на своей полати Уайбан, зашевелился, что-то зашептал. Потом поднялся, подошел ко мне. Посмотрел на Арчына, потрогал лоб, приоткрыл ему веки, приложил ухо к груди, долго слушал с закрытыми глазами.

Взял бубен и сел, скрестив ноги, у изголовья парня.

- Снова духов отгонять? - чуть раздраженно спросила я. - Может, что-то более разумное можно сделать?

Шаман не ответил на мою дерзость. Он неожиданно взял мою ладонь и приложил к груди Арчына. Я затаила дыхание, прислушалась.

Сердце прыгало отчаянно, неровно билось, то замирая, то пускаясь вскачь.

Уайбан стал постукивать в бубен легко и ритмично: тук-тук-тук...

- Дай сюда свою руку, Аяна, - велел он негромко, - рядом держи. Я поднесла ладонь теперь к туго натянутой коже инструмента. От него шли вибрации.

- Камлание поможет его сердцу биться правильно, - произнес шаман. Глаза его были прикрыты, словно он смотрел куда-то в глубину своего сознания.

Ну, может быть, и в самом деле это могло каким-то образом помочь. О чем-то таком я слышала... или читала.

- Тогда я пойду прилягу, - сказала, чувствуя, что в самом деле устала. Сколько было времени, понятия не имела, но за ледяными окошками было еще темно.

Проснулась я поздно, Уайбана в доме не было. Арчын лежал тихонько спал.

Быстро поднявшись, я сунула ноги в унты и подошла к нему. Потрогала лоб, послушала сердце, присмотрелась. Чисто визуально парню, кажется, было получше.

Вернулся Уайбан, буркнул:

- Оденся.

Я шмыгнула к себе и принялась быстро натягивать одежду.

- Теперь же можно сказать, что он поправится, правда? Ты был прав, сердце гораздо ровнее бьётся.

Уайбан помолчал, потом махнул рукой неопределённо.

- Он парень крепкий.

Я вспомнила девушку, которая за него так волновалась и плакала. Кто она ему, я так и не знала. Может быть, стоило сходить успокоить её немного. Было удивительно, что она еще не здесь.

Подумав немного, я обратилась к Уайбану:

- Пойду схожу в дом Омайона, скажу, что Арчыну лучше. Они же там переживают все.

Уайбан повернулся ко мне и посмотрел долгим тяжелым взглядом. Что-то там соображал про себя.

- Скоро его отец явится, тогда и скажем, - кажется, он не очень хотел, чтобы я уходила.

- То отец, а то... - не стала договаривать я, чтобы не попасть впросак. Хотя была почти уверена, что это именно жена или невеста. - Позволь мне сходить туда и обратно.

В целом я понимала, что вполне могу передвигаться свободно: в конце концов, официально я только гостя. Но не хотелось, чтобы между нами был нарушен наш своеобразный мир сосуществования. Поэтому и сделала вид, что “отпрашиваюсь”.

И, видимо, угадала - лицо Уайбана расслабилось, и он коснулся усов.

- Хорошо, иди. Недолго только. Мне нужно будет уйти, а его нужно поить травами.

Хитрец какой. Наверняка ему никуда и не нужно. Ну и Бог с ним. И я поспешила в дом Омайона. Как вот только обратиться к девушке? Я даже имени её не знала.

Подворья были расположены друг за другом. Я, конечно, вчера не запомнила, какой именно дом был по счёту, и шла медленно, всматриваясь и вспоминая.

Шла уже минут двадцать, а то и больше, начиная переживать, что ошиблась и пропустила нужный мне дом. Но тут увидела перед следующим вытоптанную множеством ног поляну. Конечно, вчера же здесь все жители посёлка собрались. И уверенно двинулась ко входу мимо сэргэ - ритуального столба и одновременно коновязи.

Такие столбы обязательно ставились у каждого якутского жилища и показывали социальный статус семьи. У дома Уайбана он был величественный, с затейливой резьбой. У Омайона он был неприментый, скромный. Семья была явно небогата. Впрочем, я заметила это ещё вчера.

Мне повезло - навстречу мне вышла та самая девушка с полным ведром какого-то тёплого варева, оно дымилось на морозе. Заметив меня, она вскрикнула и встала как вкопанная, а собаки на привязи залились звонким лаем. Наверное, содержимое ведра предназначалось им, и они выражали недовольство задержкой.

Девушка опустила ведро на снег и, подбежав ко мне, схватила обеими руками за рукав. Лицо её кривилось, она старалась не расплакаться.

- Аяна! Что, что с ним?! Ты пришла сказать... - голос её прерывался, закончить предложение она не смогла.

- Тише, тише, - поспешила я успокоить девушку, - Арчыну лучше! Во всяком случае, не хуже. Сейчас опасности нет, я пришла специально сказать, чтобы вы не волновались. Я думала, ты сама придёшь узнать.

Девушка смотрела на меня во все глаза, словно не понимая, что я говорю.

В этот момент из юрты послышался возрастной женский голос:

- Оруунэ! Ты где пропала??

Девушка очнулась, оглянулась быстро на дом.

- Я хотела. Меня хотун не пустила. Сказала сначала работу сделать. Спасибо тебе большое, что пришла! У меня сердце на кусочки рвалось.

На пороге появилась недовольная хотун - свекровь. Одна из женщин, которая вчера сидела у изголовья, а значит мать Арчына. По-моему, она хотела отругать невестку, но, увидев меня замолчала, всматриваясь, узнавая.

- Аяна! Иди же сюда скорее! Иди в дом. Да пусти ты её, бестолковая!

Пришлось зайти. Мать парня так же вцепилась в мою руку и потребовала новостей.

- Пока что всё хорошо. Уайбан сказал, что Арчын парень крепкий, выкарабкается, даст Бог.

Женщина запричитала так, словно я сообщила ей, что несчастный умер. Странно, что она не отпустила невестку сходить узнать, если так переживала. Неужели какая-то домашняя работа важнее?

- Пойдём, Аяна, садись... - позвала меня Оруунэ, наливая травяной чай.

- Только недолго, - неуверенно проговорила я. - Уайбан меня ждёт.

- Конечно, конечно, - закивала хотун. Несмотря на моё сочувствие семье, мать симпатии у меня не вызывала. В отличие от маленькой, похожей на мышку, Оруунэ. Я только сейчас

заметила у неё округлившийся животик: значит, молодые ждали ребёнка. Скорее всего первенца.

Выпив из приличия отвар, я попрощалась.

- Ты приходи, Оруунэ, - сказала я девушке. - Сейчас Арчыну будет полезно услышать твой голос. Он, может даже быстрее придёт в себя и поправится.

- Мы с Омайон придём, придём, - заверила меня мать.

Кивнув им, я вышла и побежала домой, снова рассматривая дома по пути. Интересно, в каком из них до всего случившегося жила Аяна?

Дома, у входа я обнаружила чью-то нарту с возлежащей на ней замороженной тушей барана или овцы, судя по размеру. Наверное, Омайон привёз подношение.

Я не ошиблась: старый маленький человечек топтался возле сына, мял шапку в руках.

- Хозяину леса отвез тушу, сказал всё как положено, что не в обиде мы, попросил прощения за Арчына. Всё как положено, - он волновался и повторял фразы.

- А прощения-то за что? - не выдержала я, раздеваясь. Очень уж мне это не понравилось.

Уайбан в разговор не вступал. Сидел, дымил своей трубочкой.

- А то что ж, - мелко закивал старичок, - надо просить, надо. Потревожил глупый Арчын хозяина леса, шумел, наверное. Вот и проучил тот его.

- Вы бы еще спасибо ему сказали, что не насмерть, - съязвила я.

- Аяна, занеси мясо в иин и наполни ведро в булуусе, - подал голос Уайбан. Наверное, будь я уже его женой, то меня бы оборвали более жестко.

Я скрипнула зубами, возмущенная таким нелепым невежеством, и снова вышла, чтобы оттащить тушу в иин - погреб для хранения. Зимой холодно было везде, но от диких животных мясо тоже нужно было прятать.

Изрядно помучившись с тяжелой тушей, я зашла в булуус, где хранились ледяные кубы замороженной пресной воды. Там было так холодно, что я моментально промёрзла до костей.

В углу лежал ломик, пила, несколько ведер. Как, однако, изящно меня Уайбан приложил за дерзость, послав сюда. Раньше такую тяжелую работу он выполнял сам. Я даже понятия не имела, как это делается.

Я усмехнулась. Ничего, разберёмся. Не боги горшки обжигают. И принялась колотить ближайшую глыбину льда, едва поднимая тяжеленный лом.

Наверное, он думает, что я не справлюсь. И смиренно приду просить прощения.

Лом выскальзывал из рук, поясницу свело. Мне стало жарко, пар от меня валил, как от самовара.

- Давай помогу, - раздался голос шамана сзади.

Я перевела дыхание. Под пушистой дохой я была мокрая как мышь.

- Не надо, - гордо ответила я и для порядка еще несколько раз взмахнула ломом. Два ведёрка наполнила.

Уайбан как будто бы усмехнулся одними глазами, подхватил их и направился к дому.

А я пошла следом на подгибающихся ногах, желая упасть в сугроб, прямо здесь.

Дома я, естественно, не показывала и виду, что устала как собака. Подошла сначала к Арчыну - его отец уже уехал, а потом к печи. Нужно было что-нибудь приготовить.

Рядом стояли какие-то припасы. Два огромных короба.

- Надо разобрать, - кинул небрежно Уайбан.

- Это Омайон привёз? Зачем ты взял? У них же, небось, это весь запас на зиму. А у тебя всего полно.

Шаман посмотрел на меня непонимающе.

- Через меня люди задабривают духов, я не могу не брать. Так положено. Что за недовольство, глупая ты женщина? Знал, что ты странная, но... - он покрутил головой, показывая, что у него даже слов нет для того, чтобы передать масштаб моей глупости.

Я, в общем, и без него это знала: и про подношения, и про духов, и прочее. Но принимать все эти предрассудки в реальной жизни оказалось непросто.

С шумом выдохнув, я отвернулась и стала разбирать угощения для задабривания духов.

Глава 7

Арчын находился у нас уже несколько дней. Оруунэ теперь почти постоянно находилась с ним. Неизвестно, как согласилась на это её свекровь-хотун. У меня было подозрение, что к этому приложил руку Уайбан, пользуясь своим непререкаемым авторитетом в стойбище.

До этого, конечно, я слегка проела ему плешь, убеждая, что так будет лучше и для Арчына, и для его молодой жены, и для их будущего ребенка: если Оруунэ не придётся ежеминутно переживать за любимого.

Уайбан в очередной раз проворчал о том, какая глупая женщина досталась ему за его грехи, и ушел куда-то. А вскоре на пороге возникла взволнованная Оруунэ.

- Аяна! Хотун меня сама отправила сюда! Как Арчын, не очнулся?

- Проходи скорее. Он спит, - я освободила девушке место рядом с полатами, где лежал больной.

Оруунэ села и стала со страхом вглядываться в лицо мужа.

- Он что, всё время спит? Совсем не просыпается?

Я успокаивающе провела рукой по её плечу.

- У него внутри кости поломаны, рёбра. Арчын всё порывался встать, ворочался, а так кости не срastутся. Поэтому Уайбан заваривает ему сонную травку. Так дело быстрее пойдёт, - попыталась объяснить я как можно проще. - Ты можешь находиться рядом с ним сколько захочешь.

Оруунэ часто закивала и склонилась над мужем. Я отошла из деликатности, занялась стряпнёй.

Вернулся Уайбан. При его появлении Оруунэ вскочила и замерла, склонив голову. Шаман махнул в её сторону рукой, мол, сиди, раз пришла.

Первые дни Оруунэ уходила домой ночевать, а потом и вовсе осталась у нас. Уайбан уже и спорить не стал.

Где-то через неделю, осмотрев Арчына, шаман перестал заваривать и давать ему отвар “сонного цветка” - пострела.

Парень стал приходить в себя, хотя вставать Уайбан ему всё ещё не позволял. Немного приподниматься, потихоньку сгибать руки и ноги. Ему помогала Оруунэ, радуясь, что муж пошел на поправку.

Уайбан вечерами садился у изголовья Арчына “покамланить”, как я это называла, обращаясь к “верхним духам” о здравии.

Мы с Оруунэ в такие моменты садились поближе к очагу и тихонько занимались своими делами. Оруунэ шила крохотные вещички для будущего малыша, украшая их затейливой вышивкой.

- Очень красиво у тебя получается, - похвалила я её мастерство уже не в первый раз.

- И лучше мастерицы есть, ты же знаешь, - вздохнула девушка. - Я бы поучилась. У Миголы вот подшейным оленьим ворсом вышивать. Или вот смотри, что у меня есть... пока что мало, но я насобираю на большую вышивку. Если родится дочь, на приданое есть.

Покопавшись в своём рукодельном мешочке, она извлекла небольшой свёрточек и показала мне горсть цветного бисера.

Я вдруг заволновалась, даже сердце забилося чаще.

- А откуда он у тебя, Оруунэ?

Та просияла.

- Правда красивый? Арчын на шкурки уже два раза обменивал. Только от хотун скрывать приходится: она злится, когда он что-то мне дарит. Всё ей надо отдавать.

- Когда он обменивал, Оруунэ? - осторожно спросила я, поглядывая на Уайбана удостовериться, что тот не слушает.

- В прошлое лето после нашей свадьбы. Помнишь, они приезжали два раза после хорошего пушного сезона?

Кивнув, я ответила рассеянно:

- Помню, конечно, помню...

Значит, сюда приезжают торговцы. Вот, кажется, и он, выход. Самой мне вряд ли удастся выбраться отсюда. А вот кто-то из них мог бы вывезти меня.

Я осознала, что практически забыла о том, что летом мне придётся бежать. Как будто прижилась. Значит, мне было здесь хорошо?.. Но не выходить же мне за Уайбана теперь. От одной мысли меня передёрнуло.

Нет, я, конечно, привыкла к нему, да и не был он плохим человеком. Старый ворчун, это да. Но в глубине души добрый. Однако, когда меня принудят выйти за него...

Рядом болтала Оруунэ, не замечая того, что я погрузилась в свои мысли.

- Я уже многие орнаменты умею - «оленьи рога», «след медведя», «локоть лисы», «уши зайца». Хочешь, я к вашей свадьбе с Уайбаном вышью подарок?

- Нет! - подпрыгнула я, как будто Оруунэ прочитала мои мысли. - Никаких подарков мне не нужно...

Она вгляделась в меня внимательно. Выражение её лица сменилось на понимающее, и она тихонько сжала мою руку.

Тем временем Уайбан закончил вечернее камлание, и Оруунэ пересела к мужу. Стала его поить вечерним отваром. Арчын улыбался жене, они ворковали шепотом. Выглядели счастливыми. Я вздохнула и принялась готовиться ко сну.

Ночью мне спалось плохо. Крутилась, вертелась. Несколько раз вставала напиться воды из ведра. Мне было очень не по себе.

Я пыталась представить: кто такие эти нууча, кого мне придётся подговаривать взять меня с собой и чем это может для меня обернуться в случае неудачи. А также, что мне делать дальше, если мой план каким-то чудом осуществится.

В конце концов, кое-как я уговорила себя не сходить с ума прямо сейчас, когда до лета еще много месяцев. Буду пока просто жить. Уайбан вроде бы не обижает. Жаль, конечно, потом подкладывать ему за это такую свинью: вероломно сбежать. Но своя рубашка ближе к телу, как говорится.

- Аяна, что с тобой? - подала голос Оруунэ. - Ты что-то мечтаешь, как пойманная лисица. Плохо тебе?

Она выбралась из своего уголка, где спала, когда не сидела возле Арчына, и на цыпочках подошла ко мне.

- Всё хорошо, Оруунэ, ты иди ложись. Мне не спится просто, - выдавила я в ответ.

Девушка не послушалась и, поглаживая круглый животик, потянула меня за собой. Усевшись рядом, она посмотрела мне в глаза и серьёзно заявила:

- Ты мне теперь как сестра, Аяна. Если бы не ты, я бы до сих пор не видела Арчына, с ума бы сошла. Ты можешь доверить мне, что у тебя на сердце. Я же вижу, что тяжело.

Я улыбнулась невольно.

- А разве не Уайбана ты должна благодарить? Он ведь спас твоего Арчына.

- Уайбану отец Арчына заплатил щедро. Духов задобрил, они и спасли. Они его, а ты меня, - разъяснила девушка мне назидательно, как несмышлёнышу какому-нибудь. - Скажи, Аяна, я могу тебе чем-то помочь?

Я покачала головой.

- У меня всё хорошо, Оруунэ. Ты же видишь: жених есть, дом богатый, здоровая, силы есть. Что еще можно пожелать?

Орууна скептически скривила губы.

- Так-то оно так, но меня не проведёшь. Ты не смотри, что я размером с мышь.

Рассмеявшись от души, я прикрыла рот обеими ладонями, испугавшись, что сейчас разбужу спящих.

Просто она и вправду была похожа на мышку. Не красавица, но такая славная - глазки живые, подвижный носик.

- Когда ты ждёшь маленького, Оруунэ? Половину срока есть уже?

- Думаю, снег еще даже не стает. Скоро. Хоть бы девочка была! - она мечтательно изобразила, как качает младенца. - Я её тогда Аяной назову. Пусть будет как ты, красивая и сильная.

- Ну хорошо, пусть будет, - согласилась я. - Давай ложиться. А то завтра будем еле ноги таскать.

- Пойду напою Арчына, потом лягу, - решила девушка.

Ну а я легла и сразу провалилась в сон. Мне как будто нужно было просто поговорить, пусть даже ни о чём, услышать слова поддержки.

На следующий день Уайбан по обыкновению отсутствовал: позвали к заболевшему ребёнку. Его отец, весь заснеженный, прибежал с раннего утра, сказав, что маленький сын всю ночь кашлял, а теперь задыхается.

Шаман привычно подпоясался, быстро собрал нужные травы, перекинул ремень через плечо, подвязал к нему бубен.

Я вопросительно взглянула на него:

- Мне пойти с тобой?

Однако он отказался.

- Сильно метёт там. Сиди дома. Воды хватит, дрова есть, еда тоже. Никуда не выходи.

За стенами и вправду гудело, но я до этого не обращала внимания. То-то отец ребенка был похож на снеговика.

- Хорошо, как скажешь, - ответила я.

- Пусть духи будут добры сегодня, - пискнула Оруунэ и спряталась за мою спину. Она стеснялась Уайбана, побаивалась.

Мы приготовили что-то наподобие сырников с ягодной заливкой, похлёбку из печени и сердца, нажарили лепешек.

- Я заварю чай, - сказала Оруунэ и подскочила с лавки. Она всё делала стремительно.

Лавка пошатнулась, и девушка решила придержать её. Повернувшись, она задела ытарча, ухват с тяжелой толстой ручкой. Тот упал, а когда она кинулась его поднимать, то попала ногой в одно ведро с водой, перевернув заодно второе.

Так и стояла с растерянным видом, хлопая глазами, подняв руки, чтобы ничего больше не свалить и не перевернуть.

Я не могла удержаться, ухохатывалась, держась за живот и утирая слёзы. Мне было стыдно, но я ничего не могла с собой поделать: уж больно потешный у неё был вид.

- Придётся идти за водой, - деловито огляделась Оруунэ, - у нас ни глотка не осталось, а еще Арчыну травы заваривать.

Она уже принялась натягивать унты, когда я её остановила.

- Ещё чего вздумала. Сейчас пойдёшь лёд рубить и ведра таскать с животом. Я сама схожу.

- Ой, да чего я только не таскала! Меня хотун так запрягала, чуть ли не сани возить, - хихикала Оруунэ. - Ты не смотри, что я маленькая.

- Так. Это даже не обсуждается. Я пойду сама, - одевшись, я откинула полог и с трудом налегла на дверь. Её словно кто-то подпирал. Снаружи как будто молочным киселем всё затянуло, не видно было ни зги. Очень надеюсь, что моего веса хватит, чтобы удержаться на ногах, я крикнула через плечо:

- Тебя бы точно унесло! Грейтесь, я мигом!

Прикинув, где находится булуус, я сделала первый шаг, не решаясь отпустить деревянную ручку. Потом второй. Поколебалась, чувствуя, как лицо покрывается инеем. Пройти нужно было немного, метров пятнадцать. Не возвращаться же назад. Уайбан может и не вернуться сегодня, а у меня там лежачий больной и беременная. Недолго думая, я согнулась в три погибели и зашагала в этом бушующем молоке приблизительно туда, где находился ледник.

Глава 8

Уже через несколько шагов сквозь плотную белую завесу я поняла, что совершила большую ошибку. Оставалось надеяться, что эта ошибка не будет стоить мне жизни. Если я неправильно рассчитала, куда идти, то мне точно крышка.

Шагала, увязая в снегу. Его было чуть ли не по пояс. Я представила, как выгляжу со стороны: спина колесом, как у древней старухи, одна рука выставлена вперёд в надежде нащупать стену булууса, а колени поднимаются чуть ли не до ушей. Если бы меня кто-то видел сейчас, наверняка бы посмеялся. Но увидеть меня было бы при всём желании невозможно.

Ещё через несколько метров я готова была сдаться и повернуть назад, но это было не менее страшно.

Мне вдруг показалось, что вокруг меня на многие километры только эта бушующая снежная круговерть. А если я уже захлебнулась в ней, умерла и не заметила?..

Уткнувшись внезапно во что-то коленом, я пошарила руками и обнаружила часть поленицы. Чуть не заплавав, упала рядом и обняла её, а затем услышала лай собак. Они были закрыты заботливой рукой Уайбана в своём крытом загоне.

Пытаясь отдышаться, я лихорадочно соображала: где относительно меня булуус. Примерно шагах в десяти справа, точно. И слава Богу, вдоль хозяйственных построек. Теперь я уже не потеряюсь.

Оказавшись в булуусе, показавшемся мне в этот раз тёплым и уютным, я некоторое время сидела на земляном промёрзшем полу, приходя в себя и обмирая внутри от пережитого. Однако нужно было возвращаться: там бедная Оруунэ, наверное, с ума сходит. Ещё пойдёт за мной, с неё станется. Эта мысль придавала мне сил, и я кое-как поднялась. Трясущимися руками нащупала лом и принялась откалывать лёд по махонькому кусочку.

Кое-как набрала ведро и несколько минут собиралась с силами, чтобы выйти наружу.

Обратный путь я проделала легче и быстрее. Метель как будто бы поутихла, и воздух стал прозрачней. Балаган выделился светло-серым пятном уже шагов через десять. Да и ведро придавало устойчивости.

Когда я вернулась, Оруунэ в панике металась по дому. Арчын, как мог, успокаивал её, тоже донельзя встревоженный.

- Я думала, тебя уже в живых нет! - накинулась на меня девушка, чуть не плача. - Надо было мне идти!

Про себя я усмехнулась. Лицо при этом оставалось неподвижным, как ледяная маска.

- Представляю, что Уайбан сделал бы с нами за то, что мы тебя заморозили, - причитала не унималась Оруунэ, стягивая с меня верхнюю одежду, которая была покрыта плотным слоем снега. - Давай к огню скорее. Ай, какая глупая. Смотри, что с лицом... Сейчас бы тебе его жиром намазать, а то облезет. Ай, что наделала-то!

Лоб, щеки и правда занялись таким пожаром, что я, только лишь стиснув зубы, заставляла себя не стонать. Но, чтобы не пугать Оруунэ ещё больше, терпела.

- Давай травы заварим, - проговорила я, почти не разжимая губ, - а жир... Уайбан меня мазал какой-то болтушкой, когда я обморозилась. Сейчас поищу.

Оруунэ наполнила льдом посудинку и занялась травами, поглядывая на меня сердито и испуганно. Я же прошла к здоровенному "рабочему" сундуку Уайбана. Там он хранил всякие снадобья, травы и лечебные коренья. Емкость с болтушкой тоже была здесь, я помнила. В тууайсе - берестяном коробе с тугой крышкой. Якуты в таких, только побольше, и грибы солили, мёд держали, сметану, ягоды. В тууайсе ничего не портилось. Я раньше рассмотрела эту посудину. Она напоминала современный термос. Между наружной и внутренней стенками была прослойка воздуха, и содержимое всегда оставалось холодным.

Перебирая плосечки и мешочки, я старалась не нарушить порядка, в котором они были там сложены. Может, вот он, тууайс с болтушкой, завёрнутый в грубую холстину на самом дне? Я вынула тщательно перевязанный объёмный мешочек и аккуратно развернула.

Сначала показалось, что у меня из глаз разноцветные искры посыпались, и я невольно проморгалась.

Мешочек был миниатюрной версией пещеры Алладина. Крупные кусочки золотой породы, неограниченные алмазы, рубины, сапфиры.

Образцы всех этих камешков были у нас дома в Мишиной коллекции, и я достаточно хорошо в них разбиралась. Поэтому сомнений не было: на коленях у меня сверкает и переливается целое состояние.

Пока я переводила дыхание, изумлённая этим открытием, мои пальцы, перебирающие драгоценности, нащупали ещё кое-что, завёрнутое и перевязанное отдельно.

Немного поколебавшись, я обернулась на Оруунэ и Арчына. На меня никто не смотрел. Тогда я, почти не дыша, раскрыла и это, по-видимому, самое ценное.

Это была она. Снежная королева. Многовековое потемневшее дерево, крепкое как камень. Отполированное множеством рук. И врезанный в фигурку великолепный сапфир.

У меня медленно кружилась голова. Сердце пыталось биться, но каждый толчок его был тяжелым и болезненным.

“Миша, Мишенька, я нашла её! Ты видишь, родной? Или это ты нарочно привёл меня сюда, чтобы я могла её спасти?”

Очнулась я, когда Оруунэ позвала меня шепотом. Она сидела возле Арчына, который засыпал, наверное.

- Ну что ты там застряла, найти не можешь? Давай я помогу.

Я чуть подпрыгнула.

- Нет-нет, я всё нашла, задумалась просто. Сейчас намажусь. Всё в порядке. Занимайся там. Сейчас только уложу всё по местам...

Уложив всё как было, я закрыла сундук и пошла сразу к своей постели. Зная, что ни за что не усну в эту ночь, легла и отвернулась к стене. Оруунэ подходила ко мне, поправляла покрывало тихонько. Я не пошевелилась. Потом затихла и она. И только тогда я позволила себе отпустить поток мыслей. Воспоминания тут же закружили меня не хуже сегодняшней метели.

Раз Снежная королева здесь, значит, временной отрезок, в который я попала, был где-то во время правления Николая II. Вот это занесло меня...

А следующая мысль заставила меня подскочить в ужасе. Ведь в том, что Снежная королева сгорела при пожаре, уничтожив всё селение, где она осела, не оставалось почти никаких сомнений. А значит, это та самая якутская деревня. Это они все погибли вместе со Снежной королевой. И Уайбан, и Оруунэ с мужем и малышом.

Обхватив себя руками, я покачивалась из стороны в сторону. Хорошо, что я знала это теперь. Плохо, что я понятия не имела, как всё предотвратить и можно ли вообще изменить прошлое.

Когда окошки чуть посветлели, послышался лай собак. Я прислушалась. Вернулся Уайбан. Надсадно кашляя, он вошел и стал раздеваться. По нему было видно, что он сильно устал.

Я поднялась, накинула теплую тунику.

- Хочешь, я сделаю чай, поесть разогрею? - обратилась к нему, сочувствуя и жалея. Сейчас он выглядел прямо древним, лет на сто пятьдесят.

- Сделай, Аяна, сделай, - Уайбан откликнулся по-стариковски. Просто сказал, как внучке. У меня защемило сердце.

Молча я прошла к печи и захлопотала там. Уайбан тоже молчал. Я боялась спросить, как ребенок, к которому он ходил совершать камлание.

От звуков проснулась Оруунэ, встала взять питьё для Арчына.

- Аяна, как твоё лицо? - спросила она шепотом.

Однако Уайбан расслышал, повернулся.

- Что с лицом? Что случилось?

Я шикнула на Оруунэ, однако деваться было некуда.

Уайбан оставил еду и подошел ко мне, развернул к огню. Я поморщилась и прикрыла глаза.

- Зачем выходила? - рыкнул он и полез в сундук, доставая болтушку.

- Это я виновата, - понурилась Оруунэ. Склонила голову, шмыгнула носом.

- Не выдумывай, - прервала я её. - Вода у нас закончилась, пришлось выйти.

Выслушав нашу историю, Уайбан прошел к хотону и вынес оттуда два ведра воды. Поставил и многозначительно посмотрел на нас, мол, типа, глупые вы лосихи.

Пришлось признать, что так оно и есть.

Наступил новый день. Для всех он был таким же, как обычно. Для всех, кроме меня. Вчерашняя находка изменила всё в одно мгновение.

Я мысленно листала записи мужа, пытаюсь найти несостыковки. Может, память меня подвела?

Но я понимала, что всё это зря: слишком долго я изучала каждый документ, каждую часть исследования, карту поисков. Ошибки просто не могло быть. И теперь я с точностью чуть ли не до градуса знала, где именно нахожусь. Правда, толку от этого знания пока что не было.

Оставалось только ждать.

Уайбан, поспав немного, засобиравшись к мальчику, которого лечил всю ночь. Оказалось, что ребенок жив, но всё ещё плох.

Оруунэ суеверно погладила свой животик, шепча молитву, которая должна была отогнать злых духов от младенца.

Уайбан ушел, напомнив, что в хотоне достаточно воды и припасов. До окончания бурана хватит.

Мне захотелось занять чем-нибудь руки, чтобы мозг немного переключился от сложных дум.

- Научи меня вышивать, Оруунэ, - попросила я.

Переделав наши нехитрые домашние дела и накормив скотину, мы сели у очага. Я постигала науку древнего женского ремесла, стараясь, чтобы стежки получались аккуратными и ровными. Это успокаивало бурю у меня в душе. А за стенами нашего дома по-прежнему шумела метель.

Глава 9

Уайбан наконец-то разрешил Арчыну потихоньку расхаживаться. Мы с Оруунэ помогали ему, поддерживая с двух сторон под руки. Арчын морщился, но уверял, что всё в порядке.

- Боль может ещё долго держаться в теле, - прокомментировал шаман. - Нужно переступать через неё, тогда совсем пройдёт.

Оруунэ радовалась каждому сделанному шагу Арчына, однако временами на неё напала грусть: совсем скоро им предстояло вернуться домой.

- Как подумаю, что хотун снова начнет командовать, кричать, так тошно становится, - вздыхала она. - А у вас так хорошо, тихо, спокойно.

- Тебе нельзя сейчас напрягаться так, как раньше, - нахмурилась я. - Неужели она заставит тебя тяжелую работу делать?

- А как же, - спокойно подтвердила Оруунэ. - И дрова таскать, и лёд колоть. Да всё вообще по дому.

- Так не пойдёт. Нужно что-то придумать, - покачала я головой.

- Мы уже придумали, - заговорщицки наклонилась ко мне девушка. - Скоро женится младший брат Арчына, и мы сможем поставить отдельный дом.

- За это время ты родить успеешь. И хорошо, если без проблем. Надо, чтобы она тебя до этого не заездила.

Через день я вызвалась помочь Уайбану почистить хотон: выгрести грязное сено и напоить телят.

С чего лучше начать разговор, я не знала. Поэтому начала с главного.

- Давай позовём Оруунэ к нам помощницей по дому?

Уайбан, как будто не услышав моего вопроса, продолжал раскладывать сено в кормушки. Но он точно расслышал, поэтому я молча ждала ответа.

Розово-коричневый телячий нос ткнул меня в руку, и я наклонила ведро пониже.

- Какая же из неё работница: родит вот-вот, - послышался голос шамана.

- А вот хотун её, по-моему, этого не понимает, - досадливо сказала я и выпрямила спину.

- Она всю тяжелую работу вынуждена делать. Надорвётся же.

Уайбан молчал.

- Ну, пожалуйста, я тебя очень прошу, - я смотрела на него настолько жалобно, насколько смогла изобразить. - Хотя бы на время.

Шаман махнул рукой.

- Ладно, хорошо! Я поговорю с Омайоном. Если отпустят...

Я просияла.

- Поговори так, чтобы отпустили, хорошо?

Уайбан покачал головой и усмехнулся.

- Придётся часть монет отдать ему обратно за работницу, однако.

У меня всплыли перед глазами его сокровища, и я подумала беззлобно, впрочем: "Ничего, не обеднеешь".

Когда я сообщила это Оруунэ, она чуть не задушила меня в объятиях.

- Аяна, ты просто солнце! Какая же ты хорошая!

Арчын поначалу не пришел в восторг от этой идеи.

- Мать меня пилить будет. Чего вы там удумали.

Я нахмурилась.

- Думаю, ты не сильно при этом пострадаешь. А вот Оруунэ и ребенок могут. Если она надорвётся, то роды могут начаться раньше и... да не хочу даже говорить. Плохо может всё закончиться.

- Мы задобрим богиню Айыысыт и всё будет хорошо, - упрямо произнёс Арчын. Мне захотелось пихнуть его в только что сросшиеся рёбра. Вот засранец.

- Арчын, ну, если желание Уайбана для тебя пустой звук, то я так ему и передам, - вскинула я одну бровь, надеясь, что это усилит действие моих слов.

В глазах молодого бестолкового мужа промелькнул страх.

- Нет-нет, я просто так говорю. Пусть Оруунэ приходит к вам, конечно.

Оруунэ округлила глаза и надула щеки, а потом с шумом прыснула.

- Ну вот и замечательно, - благосклонно кивнула я, - будет здесь сидеть и приданое для малыша шить.

Вскоре они перебрались к себе, а Оруунэ стала приходить по утрам и уходить домой поздно вечером. В один из дней она пришла взволнованная и радостная.

- Собирайся. Прошло три дня, как Намыына родила!

Сначала я не сообразила, зачем и куда я должна собираться. Чай, не патронажная сестра. Потом, хорошо, сообразила. Вернее, вспомнила: на третий день после счастливого события все женщины стойбища собираются в юрте роженицы и провожают богиню Айыысыт. И это представляло из себя целый аттракцион. Я не помнила деталей, но подумала, что, наверное, это должно быть интересно. Поэтому охотно согласилась, и мы пошли, предупредив Уайбана. Мужчины в этом действе участия не принимали.

Согласно обычаю, в балагане около места, где происходили роды, уже установили остов шалаша, который покрывали кусочками бересты. Заранее вырезанные фигурки коня, лося и собаки стояли возле модели шалаша. А также деревянная миска с кашей и ковш.

Женщины и девушки, включая нас, уселись в круг. Лица у присутствующих были крайне торжественны. Я заметила уже знакомых мне: Тэбию, Моттону и Кюнней. Сырзу, которая сразу уставилась на меня. Я так и чувствовала её глаза-буравчики на себе, как будто противные мухи, которых я не могла согнать.

Но я решила не обращать на неё внимания, мне хотелось погрузиться в обряд.

Развели костёр. Мать ребёнка Намыына, взяв маленький лук, стала стрелять из него в животных, фигурки затем складывались в ямку.

Повивальная бабка, которая была не такая уж и бабка, относительно молодая женщина в высокой шапке и шубе, трижды зачерпывала кашу и выливала в огонь. При этом она произносила благопожелание Айыысыт.

После этого все мы, сидящие вокруг, должны были намазать ладони маслом и, как бы вычерпывая пламя костра, обмазывали себе лица и восклицали: «Радость, счастье!».

А затем нужно было смеяться, выражая радость по случаю рождения ребёнка. К тому моменту мне невольно стало так смешно, что хохотала я вполне искренне, сидя в кругу этих женщин, обмазанная маслом, как блинчик. На какое-то короткое время мне удалось забыть, что ждёт их всех, если я не предупрежу. Но кто мне поверит, если я скажу: очень скоро большой пожар уничтожит всю деревню? Захотят ли они поверить, учитывая, что нужно будет бросить обжитые дома? Они ведь не были кочевниками...

Повитуха благосклонно покивала головой, выражая удовлетворение.

- Правильно всё сделали. Всё будет хорошо с ребёнком.

После небольшого угощения мы с Оруунэ засобирались по домам. Но тут меня перехватила Сырза.

- Что? Загордилась? Ходишь мимо дома и носом в нашу сторону не ведёшь. Хоть бы зашла, детям гостинцев принесла.

Ну вот, приехали. Дети - это, наверное, мои сводные братья или сёстры? Интересно, их много, они маленькие? Если нести гостинцы, то чего и сколько? Сырзе удалось меня озадачить. Надо же, один раз мимо прошла по стойбищу - и то она меня узрела.

- Да дел было много, - ответила я немного растерянно.

- Могла бы и мне прийти помочь, - не унималась противная женщина.

Оруунэ фыркнула и потянула меня к выходу за рукав, за что я была ей очень благодарна.

- Наверное, и правда надо зайти, - полувопросительно сказала я Оруунэ.

Та скривила личико, но согласилась.

- А хочешь, я с тобой пойду? Меньше тебя грызть будет, она как моя хотун точь-в-точь.

Я с радостью ухватила за это предложение.

- Ты просто меня спасёшь!

Оруунэ засмеялась совсем по-детски. Лицо блестело от масла.

- Вот и хорошо, а то всё ты да ты.

На том и порешили.

Дома, приготовив еду, мы сели за рукоделие. Я втянулась в вышивание: процесс был медитативным, очень успокаивал.

- Как ты думаешь, какие гостинцы от меня ждёт Сырза?

Оруунэ скорчила гримаску.

- Да всего и побольше, вот какие. Жаднее твоей мачехи во всём стойбище не найти. Братьям и сёстрам возьми орешков, мёда, большую миску чохоон можно приготовить. У тебя очень вкусный получается, пальчики оближешь. Вряд ли Сырза их лакомствами балует.

- А вдруг Сырза взбесится и у детей сласти поотбирает? - засомневалась я.

Оруунэ задумалась.

- Да. Эта может. Ну, отнесём ей корзину ливера. Пусть колбасу варит... Только ты смотри, у Уайбана спроси, - всполошилась она.

Я усмехнулась. Что-то мне подсказывало, что Уайбан мне не откажет в этой просьбе. Да и в любой другой.

Кстати, а вот это хорошая мысль. Я прикрыла глаза и еще раз повторила её про себя. Уайбан испытывал ко мне определённую слабость. И был первым человеком в стойбище: его слушались. Если Уайбан скажет людям, что грядёт бедствие, ему поверят. Осталось только убедить его.

Глава 10

Мы договорились с Оруунэ, что ходим к Сырзе на следующий же день. Уайбан на это привычно махнул рукой, мол, делайте, что хотите.

Я пригляделась к нему. Как-то он не очень хорошо выглядел. Кашель не проходил, особенно мучил его по ночам. Цвет лица стал сероватым, а черты как будто заострились.

- Ты плохо себя чувствуешь? - спросила я его осторожно.

Уайбан помотал головой. Но я-то видела.

- Давай тебе коренья заварю, травы. Только скажи, какие, - настаивала я. - Других каждый день лечишь, а сам вот-вот сляжешь. А может, тебе и правда отлежаться?

- Не тарахти, женщина! Ишь удумала. Не хватало мне лежать. Лягу, когда помирать соберусь.

Я закатила глаза. Он своим упрямством напомнил мне Мишу. Тот тоже все болезни переносил на ногах, отмахивался от лекарств. Соглашался максимум на чай с малиной.

А вот якуты даже малину не едят: считают её нечистой. Вот дикую облепиху я среди замороженных ягод видела. Заварю сама, намешаю с мёдом и заставлю на ночь выпить.

- Нельзя же совсем не лечиться, - попеняла я Уайбану в сердцах. - Взял бы сам себя вылечил.

- Каждый ребенок знает, что шаман не может сам себя лечить, - недовольно пробурчал Уайбан.

- А ты научи меня, я тоже буду шаманкой, - пошутила я. Уайбан усмехнулся и снова закашлялся. Я прислушалась к хрусту наста за дверью.

Оруунэ задерживалась сегодня. Я уже начала переживать. Обычно она прилетала, как только светлело на улице, сейчас же было около полудня. Пойти проверить что там у неё, что ли.

Уайбан, похоже, никуда сегодня не собирался. Сидел у печи, дымил трубочкой, вырезал что-то из дерева маленьким ножиком, отчего воздух был наполнен смолистым ароматом.

Я прошла тихонько в хотон и убедилась, что облепиха точно есть. Пусть хоть её попьёт. Лучше, чем ничего.

Когда я вернулась, в доме оказался один из старейшин. Видимо, только что пришёл - вокруг него еще клубилось облачко морозного пара.

- Кэпсээ (рассказывай), друг! - приветствовал его Уайбан традиционно. - Садись.

Гость с достоинством потоптался у входа, повесил шапку на кол и присел рядом с шаманом.

Я подала им кумыс и решила всё-таки сходить к Оруунэ. Мало ли что там. Хоть бы не заболела. Натянув шапку, я взялась за унты. Однако разговор старейшины с Уайбаном, который я сначала слушала вполуха, потому что мои мысли были заняты Оруунэ, заставил меня остановиться и прислушаться.

- Ойуун Уайбан, в общем, мы посоветовались: хотим для гостей большой праздник устроить. Дом и двор у тебя самый большой, и тридцать человек поместится. Но их будет меньше, проводник из улуса Кобяй пришёл. А их завтра ждём.

Так-так, что это нас ожидает? Здесь будет караван-сарай?

Вообще гостеприимство было у якутов доброй национальной традицией. Гостей принимали охотно. Большинство из них были родственниками или торговцами с "большой земли". Среди них имелись и совсем незнакомые люди, которые ехали в какой-нибудь наслег или улус, а иногда и должностные лица, разъезжающие по своим делам. Встречали и принимали всех, кормили-поили. Иногда по несколько дней и даже недель.

Плату за кров и стол никто не просил. Это показалось бы оскорбительным для хозяев.

Исключением были бедняки, проживающие вдоль больших дорог. Их балаганы служили как бы постоянным двором, так они зарабатывали этим себе на жизнь. Их, наоборот, за ночлег кормили и поили гости.

У нас в доме, кроме Арчына и Оруунэ, гостей до этого не было. Скорее всего, Уайбана просто не беспокоили. И уж если пришли с просьбой принять людей, устроить праздник, значит, и правда должен приехать кто-то важный.

Это было очень интересно, поэтому я присела на низенькую скамеечку у входа и стала слушать внимательно.

Успела услышать лишь, что остановятся у нас “царские нууча”. Что это означало, я не поняла. Только то, что русские.

Уайбан взглянул поверх головы старейшины на меня, словно почувствовав, что я подозрительно затихла.

- Собралась куда, Аяна?

Отнекиваться было бы глупо: я сидела в одном унте, второй держала в руке.

- Хочу пойти к Оруунэ, она не пришла сегодня, волнуюсь немного.

- Поди, поди. Возьми бэлэх Омайону, пусть зайдёт к нам сейчас.

Я обулась до конца и собрала в корзинку бэлэх для Омайона в подарок: масло, мясо, тушку зайца, по банке мёда и пахты.

Постаралась набрать всего и побольше. Я и до этого не отпускала Оруунэ без гостинцев. Её хотун очень уж это ценила и пилила свою невестку гораздо меньше: больше для порядка. Так сказать, в воспитательных целях.

Выйдя на воздух, я сначала зажмурилась. День был ярким. Наверное, весна близко.

Уже знакомым путём я шла по утоптанной тропинке мимо подворьев. Народ - мужчины, женщины активно работали на “придомовых участках”: расчищали снег, таскали дрова и лёд для питья. Слышны были покрикивания. Мужья командовали жёнами, матери - детьми.

Быстро проскочив к дому Омайона, я вошла во двор.

Первой мне попалась хотун, обметавшая залеplенный снегом сэргэ. Она поправила на себе шапку и заискивающе улыбнулась мне.

- Аяна, дочка, здравствуй! Проведать нас пришла? - глаза её жадно впились в плетёную корзинку, которую я держала в руках.

- Уайбан прислал за Омайоном. Бэлэх вот ему. А Оруунэ где?

Женщина проигнорировала мой вопрос, повернулась и крикнула вглубь двора:

- Омайон! Иди сюда, старый тетерев! Ничего не слышит, схожу за ним.

- Подождите, - придержала я её. - Где Оруунэ, она здорова?

Тётка скривилась.

- Да что с ней сделается. Как стала хат дьахтар (беременной), так и полезли капризы. То не хочу, это не могу. Теперь вот живот болит. Чего там болеть! Балованные стали молодые.

Вот старая карга. Я скрипнула зубами.

- Так она сказала, что живот болит? Вы повитуху позвали?

- Это ещё зачем? Рожать рано, а повитухе платить придётся.

Я ткнула корзинку к ногам женщины и прошла мимо неё в юрту. Из-за неё как раз вышел Арчын, обратился к матери:

- Ты звала отца?

- Арчын, пойдём со мной к Оруунэ, наверное, нужно будет повитуху позвать. А отца твоего Уайбан зовёт. Он со старейшиной у нас.

Хотун возражать мне не посмела, лишь глаза ещё больше сузила, да губы сжала, как змеища.

- Схожу за отцом, так уж и быть. Идите, балуйте на свою голову. Ох, сынок, наплачешься потом с капризной женой, не говори, что я не предупреждала...

Мы с Арчыном, уже не слушая, вошли в юрту. Оруунэ сидела, прислонившись к стене полубоком. Перед ней валялось ведро с рассыпанной вокруг золой. Видимо, она держала его в руках, когда её скрутил приступ боли. Она повела глазами в нашу сторону, но никак не отреагировала. Лицо и губы были бледными.

Я повернулась к Арчыну.

- Бегом. Сейчас же.

Арчын, слава Богу, медлить и пускаться в дебаты не стал. Сорвался с места и, заметно прихрамывая, выбежал за дверь.

Присев рядом с Оруунэ, я взяла её за руку. Она была холодной и липкой, как лапка лягушки.

- Ты как, мышка моя? - спросила я её тихонько. - Сейчас повитуха придёт, поможет тебе. Ты пока сиди, не двигайся. И не бойся, всё будет хорошо.

Оруунэ пошевелила пальчиками другой руки, которую держала на животе, плаксиво сморщилась.

- Моя малышка, моя девочка... Я чувствую, как ей там плохо...

Ворвался Арчын, волоком затягивая за собой повитуху.

- Тише ты, упаду из-за тебя, - ворчала та. Но видно было, что она тоже обеспокоена.

Ощупав живот Оруунэ, она принялась поглаживать его через мягкую ткань плавными движениями.

- Иди сюда, води вот так руками, - скомандовала она мне, а сама принялась заваривать травы. Я потянула носом: ромашка, Melissa, что-то ещё.

Оруунэ тем временем немного успокоилась, губы немного порозовели. Однако взгляд оставался испуганным.

- А что с ней? - спросила я повитуху.

- Так бывает, - махнула та рукой. - Тело готовится рожать, показывает, какая будет боль. Живот камнеет, давит на ребёнка. Надо смягчать. Ты гладь давай, не останавливайся.

Я снова стала водить руками, как она мне показала.

Вошла хотун. Двумя руками она держала корзину, которую я принесла. Лицо у неё было такое скорбное, что я готова была руку на отсечение дать: Омайон велел отдать корзину повитухе. Несмотря на то, что положение было серьёзным, я невольно улыбнулась и наклонила голову.

Оруунэ, увидев мою улыбку, несмело заулыбалась тоже.

- Скажите, ведь ей нужно лежать, пока не родит? И ни в коем случае не поднимать тяжёлого, верно? - обратилась я к повитухе громко.

- Всё верно, Аяна. Пусть лежит, да ноги повыше. Одеjala, шкуры подложить. А когда встаёшь, живот подвязывай, - переключилась она на Оруунэ. - Горшок в хотоне поставь, на улицу не бегай.

Арчын метнул на мать растерянный взгляд, а та прикрыла глаза, словно сама готова была потерять сознание. У неё явно был не самый лучший день.

- Может, мне забрать тебя к себе? - шепнула я Оруунэ. И тут же ойкнула вспомнив. - Слушай, а кто такие царские нууча?

Оруунэ удивлённо наморщилась, не понимая, при чем тут они.

- Ну ты что, они же бывают здесь, забыла? Дороги изучают, а другие травы и камни.

Стало более-менее понятно.

- А почему ты спрашиваешь? - оживилась Оруунэ, всё больше приходя в себя.

- Они будут в стойбище завтра, - ответила я. - У нас, наверное, остановятся. Праздник какой-то в их честь будут устраивать. Так что придётся тебе дома полежать. Если хотун наседать будет, пришли под каким-нибудь предлогом Арчына. Я сразу к тебе прибегу.

Краем глаза я увидела, как хотун отдавала корзину повитухе. И, по-моему, корзина стала не такой наполненной доверху, как была. Я снова не смогла сдержать ухмылки: кто бы сомневался.

Оруунэ раздосадованно хлопнула ладошками по постели и надула губы.

- Вот как самое интересное, так мне лежать! И праздник будет!

- Думай о себе и о ребенке, - погрозила я ей пальцем.

И, удостоверившись, что подруга в порядке, пошла домой, гадая, какие еще новости меня там ждут. А предчувствие подсказывало, что новости будут.

Глава 11

Вернувшись домой, я застала там бурную деятельность под потолочными балками в районе моей постели.

Два незнакомых мне молодых человека усердно приколачивали что-то наверху, а Уайбан и Омайон наблюдали за ними снизу, сидя у печи. Руководили.

Мой приход не сразу заметили за шумом молотков, поэтому я тихонько разделась и присела на скамеечку, понаблюдать.

Ловкие, как обезьянки, парни быстро управились, спустились на пол и повернулись к Уайбану, видимо, ожидая дальнейших распоряжений.

Тот почесал бородёнку в раздумьи и тут увидел меня.

- Аяна, ну, как тебе?

Мне было никак, потому что я, собственно, не поняла, что изменилось.

Шаман тем временем встал и, шаркая, прошел ко второму по размеру сундуку, где хранились обработанные шкурки. Покопавшись там, он достал несколько домотканых, тонких, но плотных полотен. Или, скорее, ковровых дорожек.

Кинув их парням, он снова повернулся ко мне, ожидая реакции. Я непонимающе пожала плечами, мол, и?..

Зато через минуту искренне захлопала в ладоши: теперь мой “угол” был уютно отгорожен от остального помещения. Внутри получилась почти что целая комната.

Вообще, так и было положено в якутских балаганах. Женская половина жилища занавешивалась от мужских глаз. Однако холостому Уайбану это было не нужно. Потом нас было всего двое, и было легко не мешать друг другу. Теперь же, когда мы ждали гостей, к тому же мужчин, Уайбан быстренько озаботился тем, чтобы скрыть меня по возможности от чужих глаз.

Я подумала, что он мог бы на время отправить меня к Сырзе. И наверняка думал об этом, но сомневался, вернусь ли я обратно.

- Нравится тебе? - спросил уже Омайон. Он сидел, довольный оказанным доверием. Сам Уайбан обратился к нему, чтобы организовать этот деликатный вопрос.

- Очень нравится, - призналась я, - внутри, за яркими занавесками-половичками, было сумеречно, таинственно и уютно. Как в детстве, когда с подружками играли в “домик”, соорудив жилище из ковриков, покрывал и подушек. Бывало так, что оборудование домика было увлекательнее самой игры. Мы притаскивали туда любимые книжки, детскую посуду. Пили воду с сахаром и булкой. Мне всё это так ясно вспомнилось, что я прикрыла глаза и наслаждалась этим ощущением, пока меня через некоторое время не окликнул Уайбан. По-моему, уже не в первый раз.

- А, что? - выглянула я из своего укрытия.

Шаман вдруг сморщился, как печеное яблоко, и надсадно закашлялся. Кашель напоминал собачий хриплый лай.

Я нахмурилась, но говорить ничего не стала: ему хоть кол на голове теши. Но кашель был очень нехорош. Медиком я не являлась, но когда-то уже слышала подобный. И вызван он был не простудой.

- Наверное, нужно что-то готовить на завтра? Еду, спальные места... - помолчав, спросила я Уайбана.

Тот покачал головой.

- Завтра придут люди и всё сделаем вместе. Нужно много рук. Снег расчистить, ямы выкопать для костров. Свежее мясо понадобится. Всё завтра. Сегодня можно отдыхать, - по-моему, он сам хотел прилечь, но стеснялся. Опять выглядел плоховато.

- Пожалуй, схожу к Сырзе, - сказала я, подумав. - Пообещала на свою голову... И так не хочется, а потом и вовсе некогда будет.

Уайбан кивнул: то ли слышал, то ли просто в такт своим мыслям. Вид у него был отсутствующий. Даже трубка в руке потухла, а он и не заметил.

Приближаясь к дому мачехи, я чуть замедлила шаг, перекладывая корзину из одной руки в другую. Вот была бы со мной Оруунэ, было бы веселее.

Войдя в юрту, я потянула носом и поморщилась. Пахло чем-то кислым и прелым. Свет падал только от печки: маленькие окошки были плотно заткнуты тряпками изнутри.

Сначала показалось, что в доме никого нет. Тихо было, только дрова потрескивали.

Потом в правом углу послышались шорохи и показались из-под плешивой шкуры две одинаковые всклокоченные головы. Одновременно с этим из хотона вышла девочка лет тринадцати, держа в руках несколько поленьев. Вид у неё был сердитый, насупленный.

- Аяна! - с лежанки ко мне кинулись мальчишки-близнецы и повисли на подоле, раскачиваясь радостно. Я еле устояла. Девочка дружелюбия по-прежнему не проявляла. Кинув поленья рядом с печью, она принялась ворошить золу.

- Привет, - поздоровалась я, неловко погладив близнецов по головам. - А мама где?

- Мамы нет, - резко встала девочка и скрестила руки на груди. - Чай накрывать не буду. Если тебе надо, делай сама.

- Тойка-злюка, Тойка-злюка! - хором закричали мальчишки, смеясь и прыгая вокруг меня, - Аяна, что ты принесла?

Не знаю, за что на меня злилась Тойка, но с братьями, видимо, у меня отношения были в полном порядке. Я улыбнулась им и протянула корзину.

- Отдадите маме, когда она придёт. Сейчас мне нужно идти...- сообразив, что можно улизнуть, пока Сырзы нет, я заторопилась.

Мальчишки радостно поволокли куда-то гостинцы. Тойка стояла не шевелясь, глядя на меня надменно и неприязненно.

У двери я обернулась.

- Завтра у нас гости. Праздник большой. Приходите все вместе. Еды много будет вкусной. Маме тоже скажите.

Пацаны завопили что-то восторженно, а Тойка отвернулась, вздёрнув подбородок. Интересно, почему такое отношение?

Хотя девочка вполне могла иметь мамочкин милый характер.

Выйдя на улицу, я порадовалась, что визит вежливости обошелся малой кровью.

Однако мне невольно стало жаль ребятишек, что они живут так убого. Может, и правда стоило как-нибудь прийти помочь хотя бы навести порядок и уют.

Впрочем, о чём я думаю. Живут они в своём бардаке и счастливы. А главное - живы и здоровы. Но если я ничего не предприму...

Нужно немедленно рассказать Уайбану, что... да хотя бы: что духи мне явились, когда я без сознания была, и предупредили. А что? Он шаман, чем его ещё брать?

Я бормотала себе под нос варианты "откровения духов", которые должны были убедить Уайбана.

Когда я вернулась домой, шаман спал, укрывшись шкурами с головой. Ладно, один день ничего не решит.

Уже сильно вечерело. Я набегалась и устала за сегодня. А ещё хотелось есть. Стараясь не шуметь, нарезала варёный олений язык, поджарила на огне кусочек вчерашней лепёшки. С аппетитом сжевав это в виде бутерброда, запила кумысом, блаженно жмурясь. Как же вкусно!

Нырнув за свой полог, я скинула одежду и принялась перебирать одну за другой свои предсонные мысли.

Завтра здесь будут люди с “большой земли”. Возможно, учёные, как мой Миша. Географы, картографы. Крайний Север большой, он ещё практически не изучен. Таинственный, сплошное белое загадочное пятно.

Удивительно то, что я могла бы им рассказать. О будущем расположении железных дорог, места для которых они только ищут. О месторождениях. Они могли бы увидеть Сердце Снежной королевы.

Но я буду вынуждена молчать, делая вид, что я обычная якутяночка, “саха”. Тёмная и необразованная.

Если бы не этот пожар, я могла бы уехать с ними. Но мне придётся встретить их здесь и проводить с Богом, никому не раскрыв своей тайны.

Так, разговаривая мысленно сама с собой, я погрузилась в неглубокий сон. Слышала, как шумит ветер в трубе, оседает снег за стенами, кашляет и ворочается Уайбан.

Когда он поднялся, я тоже решила встать. Скоро придут женщины готовить, мужчины заниматься кострами и мясом. Нужно быть на ногах. Но я, кажется, вообще не спала.

Вскоре в балагане дым стоял коромыслом: не менее десятка женщин расположились вокруг стола и печи. Варили, резали, взбивали, болтали, смеялись, обсуждали приезд гостей.

Молодые девушки были наряжены в самое лучшее. Затежливо заплетенные косы, богатая вышивка, горящие, как угли, глаза.

Но, наверное, никто из них не ждал так, как я. Хотя по мне было и не видно, во всяком случае, я так надеялась.

Я взяла большой мешок луковиц сараны и принялась их чистить. Села в самый дальний угол, стараясь не поднимать головы.

С улицы были слышны мужские голоса и возгласы. Всё село было здесь. В балаган заглянула Оруунэ, ища меня глазами.

Я махнула ей рукой, а потом погрозила пальцем.

- Ты зачем пришла? Сказано тебе - лежать. Садись вот рядом. Давай шкуру вот под спину тебе сверну.

Но сил спорить с ней у меня не было. Наверное, от волнения.

- Ну как лежать? - захныкала Оруунэ. - Все здесь, а я лежи! Я же не буду что тяжёлое делать, вот тебе помогу чистить. Что может сделаться?

- Да сиди уже. Я что, домой тебя гоню? - сказала я, прислушиваясь. Вокруг стоял такой галдёж, что трудно было разобрать. Мне показалось, что лай собак усилился, и шум на дворе стал громче.

Оруунэ тоже наострила ухо.

- Нет, это не могут быть они. Я бы издалека услышала, когда шла.

Я чуть расслабилась.

А вдруг я узнаю кого-то из приезжих? По фамилии или даже по старинным архивным фотографиям, которые были в Мишином архиве.

Наши гости вполне могли быть членами Якутской Сибиряковской экспедиции от Императорского русского географического общества. Годы совпадали. От одной мысли у меня чуть сердце не остановилось.

Главное - не брякнуть что-нибудь, не выдать себя. Но чем больше я себя успокаивала, тем сильнее волновалась.

Оруунэ болтала о чём-то рядом, очищая луковички со скоростью автомата. Но я даже не пыталась её слушать.

- Пойду воздухом подышу, - встала я и пошла к двери. В этот момент полог откинулся, и стали один за другим входить мужчины. Некоторые в очках. Входили, снимали шапки, улыбались всем сразу. И как бы невольно искали глазами красный угол, как в русской избе.

А я стояла и смотрела прямо на них.

Глава 12

Кутерьма в доме вдруг прекратилась, женский гомон стих. Откуда-то внесли ещё несколько низких столов, поставили их рядом почти до двери. Получился один длинный: уставленный пиалами с жаренным на костре мясом, блюдами с колбасой, чохооном, кувшинами с кумысом, как на свадьбу.

Мёд с орехами, каша из пахты с ягодами, жирные сливки. Алкоголь было пить не принято, поэтому на столах он отсутствовал. Гости наливали себе что-то из своих личных фляг, а отхлёбывая, характерно крикали и утирали усы.

На почётных местах за столом расположились старейшины, Уайбан, ещё несколько мужчин из стойбища и шестеро приезжих. К сожалению, я никого из них не узнала. Наверное, их имена были не столь прославлены, как Бекетов или Пётр Петрович Головин.

Но это были самые настоящие ученые. Геологи, географы, этнографы. Люди моего круга, родственные мне не по крови, но по духу.

Из беседы стало понятно, кто из них кто. Областной ветеринар Сергей Дмитриев, Гриша Пекарский, исследовавший семейный и домашний быт якутов. Майнович - товарищи звали его только по фамилии - антрополог.

Чаще всего мой взгляд обращался к Дмитрию Клеменцову. Как же я сразу не узнала его! Конечно, мне была знакома его фамилия, выдающаяся в мире археологии. Просто сейчас он был очень молод. Наверное, его научная биография только начиналась.

Спутники звали его "Клим". А когда кто-то окликнул Дмитрия по фамилии, у меня тут же разблокировались воспоминания. Я даже его портрет вспомнила, висящий у нас на кафедре среди прочих исследователей. На нём Дмитрий был гораздо старше, хотя тоже вполне красив: высокий лоб, глаза, чуть сужающиеся к внешним уголкам, мягкие черты лица.

- Аяна! - вдруг окликнул меня один из старейшин.

Я стояла у стены с другими незамужними девушками. По традиции за стол с гостями женщина могла сесть только в присутствии мужа.

Все обернулись на меня.

- Уайбан, Аяна почти жена тебе, хозяйка в доме, пускай бы села вместе с нами, - продолжил старейшина. - А то нехорошо.

Щёки загорелись, как будто меня прилюдно уличили в чём-то постыдном, и я опустила голову.

- Иди, Аяна, сядь с Луунэ, - не унимался старик. Луунэ, его жена, по-моему, мешала ему опрокинуть стопку-другую, предложенную гостями. Вот он и решил притащить за стол меня, чтобы она отвлеклась.

Я взглянула на Уайбана. Тот кивнул согласно. Не особенно, впрочем, довольный таким поворотом событий.

Сев на указанное место, я уставилась в стол, чтобы не встречаться ни с кем взглядом. Чуть поодаль, напротив, сидел Дмитрий. И если чуть раньше я отчаянно хотела с ним поговорить, как с живой легендой, то сейчас мне хотелось как минимум провалиться под землю. Прямо в вечную мерзлоту, да поглубже.

- Ах, какая сахалярочка! - добродушно произнёс Майнович. Ему, как антропологу, сразу стало видно смешение моих черт. Сахалярами называли (да и в современности тоже) метисов. Якутов с другим этносом, чаще европеоидным.

- Да, Уайбан, повезло вам! - поддакнул ему Гриша Пекарский. - Тогда: за хозяйку этого гостеприимного жилища!

Гости подняли свои стаканчики, а мне пришлось через силу поднять голову и улыбнуться, чтобы не привлекать внимание еще и излишней хмуростью.

Встретившись глазами с Дмитрием, я снова почувствовала, как краснею. Мне показалось, что он смотрел на меня с насмешливым интересом, как на экзотическую зверушку. Теперь уже он не вызывал у меня того трепетного восхищения, как несколько минут назад.

Да как он может осуждать меня! Что он вообще знает о моей жизни?!

Конечно же, никакого осуждения я за эти доли секунды разглядеть не могла, но накрутила себя изрядно. И как только появилась возможность выйти из-за стола, вылетела, как пробка и скрылась в своём “домике”.

Там я немного пришла в себя и успокоилась. Однако щёки так и продолжали гореть. Прижимая к ним ледяные ладони, я смотрела в щелку между половичками-занавесками, наблюдая за застольем.

Около полуночи все стали подниматься. Уайбан показывал гостям их спальные места, а мне пришлось выйти из своего убежища, чтобы убрать со стола с помощью остальных женщин.

Мужчины тем временем все ушли во двор. Осматривать снаряжение, принести какие-то вещи. Я старалась не прислушиваться, абстрагировалась, как будто никого здесь чужого и нет.

Зато когда все вернулись и разложили на столе свои карты, блокноты и разрозненные листочки с записями и закурили разом, их разговоры захватили меня полностью.

Я сидела на своей постели, прислонившись к стене, прикрыв глаза и вдыхая терпкий дым. Плавилась в беседе, которая изобиловала знакомыми научными терминами.

Мне до слёз хотелось присоединиться к ним. Обсудить с Гришей Пекарским местные способы обработки дерева для украшений и посуды, пользу и вред внедрения цивилизации в этот древний и самодостаточный мир. С Майновичем поговорить об удивительном разнообразии народностей Крайнего севера, схожих только на первый взгляд. А с Дмитрием... тут я терялась. Мне казалось, что если мне выпадет эта возможность, то я не смогу вымолвить ни слова. Впрочем, я могла бы просто его слушать, как Мишу.

Теперь мне стала понятна моя на него реакция. Он действительно напоминал мне мужа. Хотя внешне они не были похожи абсолютно.

Разошлись наши гости очень поздно, назначив подъём на шесть часов утра. Вскоре наш балаган наполнился богатырским храпом. Но не это мешало мне заснуть. Вся душа была как будто перевёрнута и рвалась из груди, ища выход. Из балагана, из стойбища, просто куда-нибудь наружу.

Мне хотелось выйти и вдохнуть свежего морозного воздуха, но я боялась, что одновременно поднимется ещё кто-нибудь и будет неловко.

Утро было шумным. Мужчины во дворе умывались снегом, хохотали. Говорили о чем-то со своим проводником, который ночевал у Омайона. Потом они пили чай с Уайбаном. Гриша расспрашивал его о личных приспособлениях для камлания, записывал.

Я уже оделась, но выйти из своего убежища решила только после их ухода.

Уайбан сидел на привычном месте перед печуркой. Кивнув ему, я взяла кусок лепешки и кумыс.

- Они сказали, надолго ли задержатся? - как можно равнодушнее спросила я шамана. - Уснуть не могла из-за шума.

Как будто оправдывалась за свой вопрос.

- Завтра вроде бы поутру собираются, - ответил Уайбан.

Моё сердце пропустило один удар.

- А ты молодец, Аяна, - помолчав, произнёс Уайбан, не глядя на меня.

Я непонимающе подняла брови.

- Все бабы, как сороки бесстыжие, галдели, глаза истёрли об этих нуучей. Только ты скромно себя вела, - пояснил он довольно.

“Если бы ты знал, какие страсти у меня кипят внутри, каким пожаром я полыхаю, ты бы так не говорил”, - пронеслось в голове. Но ничего не ответила.

Через какое-то время шаман засобирался и ушёл, прихватив бубен. Наверное, к больному.

Я оглядела жилище, не зная, за что взяться. Еды со вчерашнего дня оставалось много, только разогреть вечером. И вода есть, и дрова.

Заметив, что на столе остались чьи-то бумаги, с любопытством подошла посмотреть.

По всей видимости, это была нарисованная карта большого участка, включающая несколько урусов. Я присела и склонилась над ней. Скорее всего, вот здесь наше стойбище, где нарисованы характерные треугольнички. Правильно, вот линия леса. А река в этом месте делает поворот, образуя карман. Кармана на карте не было.

Машинально я взяла карандаш, чтобы исправить неточность. Это был всего лишь безотчетный порыв на уровне рефлекса.

- Интересно? - раздался голос у меня за спиной и смехок.

Подскачив, я чуть не упала, а Дмитрий поддержал меня за локоть. Карандаш покатился и упал на пол.

- Простите, пожалуйста, - пролепетала я, глядя на него испуганно. Пол под ногами качался, а колени противно дрожали.

- Забыл вот карту, пришлось возвращаться, - пояснил он, смеясь одними глазами. - Вы интересуетесь картографией?

Я вспыхнула, почувствовав в этом "вы" иронию. Скорее всего, он не предполагал, что мне даже слово это знакомо.

- У вас там урез воды неправильно обозначен. В четвёртом квадрате, - вскинула я голову, глядя ему прямо в глаза. Зачем это сказала не знаю. Наверное, хотелось показать ему, что я вовсе не необразованная дикарка. Конечно, большей глупости и придумать было нельзя.

Взгляд Дмитрия сменился на изумлённый, а рот приоткрылся.

Представив, какие могут последовать вопросы, на которые я не смогу дать ответы, я в страхе отступила на шаг, на второй.

Он продолжал озадаченно смотреть то на меня, то на карту.

- Не говорите Уайбану, что мы разговаривали с вами, - выдавила я из себя, отступая при этом всё дальше.

- Хорошо, - растерянно ответил Дмитрий. А я повернулась и вылетела в хотон. Сидела там, пока не услышала, что он ушёл.

Мне хотелось заплакать от несуразности всей ситуации. Если бы я могла уехать с ними... Но я не могла. Здесь люди, которым грозит опасность. Здесь Снежная королева, которая тоже сгорит, оставив щепотку пепла. И в данный момент я ничего не могу с этим сделать. Я крепилась изо всех сил, не давая воли слезам. Справилась кое-как. Глаза были сухие, но опухшие, я чувствовала.

Вернувшись в дом, я сразу увидела, что тот маленький карандашик так и лежит на полу возле ножки стола. Подобрав его, я долго смотрела на него, как замороженная. Он был широкий и плоский, с крохотными бороздками. На окрашенной части дерева виднелись полустёртые буквы ЮА... На конце находился металлический колпачок. Я гладила его кончиком пальца и думала какими-то обрывками: увижу ли ещё Дмитрия, смогу ли спасти людей в стойбище, увидит ли мир Снежную королеву?

А потом прошла к себе в закуток и спрятала карандашик под жесткий матрас, как крохотную надежду.

Глава 13

Мне кажется, что, уезжая, Дмитрий Клеменцов искал меня глазами среди тех, кто пришел проводить экспедицию. Почти всё село.

Я наблюдала издалека. Ушла к Оруунэ засветло, чтобы не видеть и не слышать их отъезда. Но потом не выдержала и сорвалась. Проводить хотя бы взглядом. А подойти не решилась.

Наверное, просто так должно быть: у них свой путь. У экспедиции, у Дмитрия... И след саней уже замечает позёмка. А у меня своя дорога.

Правду говорят, что бывают такие встречи. Короткие, буквально на миг, а оставляют след на всю оставшуюся жизнь. И крохи воспоминаний ты хранишь, как драгоценность, доставая их нечасто. Чтобы не истёрлись, не превратились в привычное и обыденное.

Я вполне осознанно дала себе поблажку: похныкать, поныть, от всей души пожалеть себя, но только недолго. Всё это было допустимо при условии, что дальше я возьму себя в руки, соберу волю в кулак и буду действовать.

- Уайбан, тебе когда-нибудь снились вещие сны? - спросила я, когда мы сидели тем же вечером вдвоём.

Он дымил трубкой перед печкой. Я сидела у себя и шила себе домашний тёплый стёганный халат на овечьем меху.

Одежду женщины стойбища все шили себе сами, заказать у кого-то готовое платье оказалось невозможным. Хихикали, отнекивались, но не брались.

Теперь я понимала, как дорого обошелся Уайбану комплект моей одежды, да еще такой красивый. Наверное, пару лошадей отдал, не меньше.

- Иногда духи приходят, сообщают что-то, - нехотя ответил шаман.

По-моему, он врал. Я скептически относилась ко всем этим пляскам с бубнами. Считала, что это всё театральное представление, не больше. И Уайбан не был каким-то фанатиком. Он больше напоминал хитрого старичка-знахаря. А камлание исполнял для поддержания своего статуса.

- Мне кажется, я что-то видела во сне... вернее, слышала чей-то голос. Точнее, несколько голосов, - я стала ему рассказывать так, как будто вспоминаю, специально подбирая слова.

Выражение лица Уайбана не изменилось, мои слова явно не произвели на него впечатления.

- Они были очень серьёзны, Уайбан, - продолжила я более эмоционально и громче.

- Хорошо, что говорили? - спросил он по-прежнему без интереса.

Тут я сделала паузу, чтобы не поторопиться и не совершить ошибки. Чуть выдохнула.

- Я не помню слов. Это были видения, одно за другим. Сначала все наши соседи: и Сырза с детьми, и Омайон. Вообще все. Фигуры появлялись, потом вспыхивали, чернели и превращались в серую золу. И дома, охваченные огнём. Это ведь что-то значит?

Уайбан неопределенно качнул головой.

- Ты болела, у тебя был жар, Аяна. Вот такие сны и приходили.

Я кинула на колени своё шитьё.

- Так ведь потом тоже приходили такие видения! Когда я уже выздоровела. Это точно что-то значит. Духи предупреждают нас!

Шаман произнёс успокаивающе:

- Ты просто испугалась этого сна в первый раз, поэтому он и пугал тебя потом. Оставь это. Я сделаю так, что всё пройдет.

- Ты не понимаешь, Уайбан! Будет большой пожар и сгорит вся деревня! Летом нужно уезжать в другое место! - воскликнула я в отчаянии. Если он мне не поверит, не смогу убедить других.

Шаман резко поднял руку, выставив ладонь, словно показывая мне “стоп”. Больше он не хотел этого слышать.

- Почему ты мне не веришь? Я знаю, что не ошибаюсь, - тихо, но упрямо сказала я, наклонив голову как можно ниже, чтобы он не заметил моих наворачнувшихся на глаза слёз. Однако голос всё равно дрогнул.

Уайбан вдруг вскочил резко и потряс кулаком.

- Ты думаешь, я не понимаю, к чему эти небылицы и что началось? Насмотрелась на молодых нууча и решила свадьбу сорвать! Вот и весь твой пожар, бесстыжая!

Я ошалело сидела перед ним, глядя на его припадок, и боялась пошевелиться. Казалось, что он кинется сейчас на меня. В глазах его горел гнев и... страх.

Внезапно он засипел, захрипел и, схватившись одной рукой за горло, другой за грудь, шагнул ко мне, зашатался и упал на колени.

От неожиданности я бросила всё и отскочила в сторону хотона. Потом остановилась, глядя на спятившего вдруг старика.

Тот стоял на четвереньках и, задыхаясь, кашлял. Казалось, что ещё немного, и он сейчас выплюнет свои лёгкие на земляной пол.

Поколебавшись, я всё-таки вернулась, помогла ему подняться и дойти до постели. Приступ кашля стих, но Уайбан по-прежнему держался за грудь. Инфаркт у него, что ли... А я и сделать ничего не могу.

Хотела отойти, чтобы налить ему воды, но шаман вцепился, видно было, из последних сил за мой подол и просипел:

- Сядь, Аяна, сядь...

- Я попить принесу.

Он замотал головой и снова закашлялся.

- Сядь рядом, прошу. Дай мне руку.

Пришлось подчиниться. Было страшно, что он сейчас умрёт на моих глазах. Как бы то ни было, я не желала ему смерти.

Шаман прикрыл глаза. Лицо снова было серым, как вымазанное золой.

- Что мне сделать, чтобы тебе полегчало? - спросила я. Мне самой было так тяжело в этот момент. Тусклый свет давил, как будто душил меня. Казалось, что в доме не осталось воздуха.

- Подожди. Послушай меня, - было видно, что слова ему даются с большим трудом.

Он молчал, собираясь с силами, потом заговорил снова:

- Я знаю, что ты думаешь уйти, Аяна. Только некуда тебе. Послушай. Ты одна у меня есть. Останься со мной, пока глаза мне не закроешь, это скоро уже...

- Не выдумывай, - попыталась перебить я его.

- Послушай, - настойчиво сказал он. - Всё, что у меня есть - твоё. Иди к большому сундуку, открой.

Кровь прилила к моему лицу. Я поняла, что сейчас меня будут покупать.

- Не надо! - вскочила я. - Мне ничего не надо! Что ты панику поднимаешь? Сейчас отлежишься и ещё сто лет проживёшь. Никуда я не уйду.

Шаман смотрел спокойно и серьёзно, не шевелясь. Я даже не видела, чтобы он дышал.

- Достань мешок в сундуке. Тяжёлый. Под травами. Иди, Аяна.

Я замотала головой. Тогда он зашевелился, приподнимаясь. Вот упрямый чёрт!

- Ну хорошо, хорошо, сейчас, - замахала я на шамана, чтобы он лёг обратно. И пошла к сундуку, точно зная, что и где искать.

Притащив Уайбану мешок, я положила его на постель и села рядом. Как же так всё навалилось? Меня как будто затягивало паутиной проблем, как только я пыталась с ними разобраться.

Может, мне эти их злые духи мешают?

- Возьми, Аяна. Думал отдать тебе, когда женой станешь, только не успею до лета. Не качай головой, а возьми и спрячь так, чтобы никто, кроме тебя не нашел, - старик попытался подтолкнуть ко мне мешок, в котором томила Снежная королева. Что ж, по крайней мере, теперь у меня есть на неё право. Одной заботой меньше.

- Уайбан, теперь ты меня послушай. Я останусь, но не из-за твоих подарков. Пообещай мне кое-что.

Он моргнул в знак согласия.

- Собери людей. Скажи, что нужно покинуть деревню до лета. Иначе все погибнут.

Уайбан смотрел тусклым взглядом. Никакого выражения.

- Сделаешь? - настойчиво проговорила я.

- Собери завтра людей, - невнятно ответил он, моргнул еще два раза и затих. Я прислушалась. Вроде бы дышит.

Решила лечь спать, чтобы утром встать спозаранку и отправиться собирать соплеменников на "вече". Хоть бы Уайбан дожил до утра, Господи прости. То есть пусть живёт как можно дольше, но как же мне было нужно, чтобы он успел сказать людям о пожаре.

Я очень боялась от волнения прокрутиться всю ночь без сна и проспать. Старалась прислушиваться к убаюкивающей метели за стеной. Вспомнила теорию, почему под звуки ненастья: ветра, дождя хорошо засыпается. Мол, в такую погоду хищники не выходят охотиться, поэтому мозг говорит, что можно спать спокойно. Атавизм такой.

Я мысленно считала снежинки, которые кружили вокруг нашего дома. Потом вспомнила кое-что и, запустив руку под матрас, достала карандашик. В темноте я не могла его разглядеть, просто ощупывала пальцами грани. Это успокаивало.

Головой ощущала твёрдый мешочек с драгоценностями под шкурой, на которой я лежала. Постучала слегка по нему затылком. И что мне со всем этим делать? Ну, кроме Снежной королевы. Её я должна увезти, забрать с собой. Она теперь не останется лишь легендой, её увидят люди. Только это тоже было той ещё задачей, учитывая, в каком времени я теперь жила. Не на ярмарочной же площади мне её показывать...

Именно в этот момент у меня и возник план. Грандиозный и невероятный.

Но сначала я непременно выполню обещание, данное Уайбану: досмотрю его, как полагается. Сколько бы времени это ни потребовало.

Глава 14

Уайбан говорил медленно, и люди его не перебивали. Однако реакция жителей стойбища пока что была неясна. Я смотрела на лица людей, стоя за спиной Уайбана. В их глазах были страх и непонимание. Главное, что не было недоверия. Правильно, такими вещами не шутят. Тем более на пороге смерти. А в том, что Уайбан был плох, ни у кого сомнений не было.

Когда шаман закончил, некоторое время стояла тишина. Затем встал и шагнул вперёд один из старейшин.

- Скажи духам, что мы благодарны им за предупреждение. Тяжело будет сниматься с места, но рисковать мы не будем.

- Да!

- Может, прямо сейчас лучше уехать?

- Глупая, зачем до лета уезжать? Подол подобрала и побежала! А скотину перегнать, а вещи перевезти?

- Точно-точно, пусть снег сойдёт, тогда снимемся с места.

Люди шумно обсуждали внезапное известие, которое полностью всё меняло. У женщин были мокрые глаза: ведь приходилось бросать обжитые дома.

Сердце ныло за них, за всех. А что если...

- Можно я скажу? - вышла я вперёд. Однако пока Уайбан не поднял руку, люди продолжали громко говорить, не обращая на меня внимания.

- Говори, Аяна, - он взял мою руку и слегка сжал, поддерживая. Это моментально заметили и уважительно замолчали.

- Я просто подумала вот что: а если всем переехать в безопасное место, подальше от леса. Поставить летние урасы. Но до лета, пока не наступила сушь, подготовиться к пожару.

- Да как ещё подготовиться, если духи сказали, значит, надо уезжать! - послышался чей-то голос.

Уайбан снова поднял руку, требуя тишины. Я продолжила.

- Конечно, я и говорю: уехать нужно и скотину перегнать. Пережить можно. Просто попытаться спасти стойбище, дома, все постройки. Лес стоит слишком близко. Вырубить часть, которая подступает к деревне. Между лесом и деревней выкопать ров... ну, такую длинную яму. Подвести её к реке, и она наполнится водой... Большой огонь не пройдёт.

Поднялся шум, все говорили одновременно, перекрикивая друг друга.

- Всё равно полетят искры! Дома мигом займутся!

Я повысила голос:

- Если останутся следить два-три человека, то можно будет начать тушить вовремя. Да и вода будет близко.

Уайбан покачал головой.

- Высохнет летом. Но остальное дельно. Яма и так поможет. Хорошо придумала. Так и сделаете...

В охватившем всех волнении никто не заметил этого "сделаете". Я взглянула на старого шамана. Он был уверен, что не доживёт.

Люди расходились, взбудораженные страшной новостью. Уайбан проводил их усталым взглядом.

- Никто даже не спросил, как ты себя чувствуешь, - подсадовала я. Мне было за него обидно. Он всегда был рядом с ними, забывая про отдых, еду и сон, когда кому-то было плохо.

- Ничего, - проговорил он, - сейчас не до меня, столько дел и хлопот у всех будет. Хорошо хоть паника не поднялась. Сейчас не спать будут, бояться будут. От страха болеть. А всё потому, что поверили тебе.

Я присела перед стариком на колени, взяла его вялую руку. Кожа была коричневая и сухая, как крафтовая бумага.

- Ты всё правильно сделал, Уайбан, вот ты сам увидишь. Я не ошибаюсь.

Он качнул головой, мол, не увижу. Попытался встать, но не смог. Я помогла ему улечься.

От еды Уайбан отказался, попил воды и задремал.

В юрту с грохотом вломилась Сырза. Её не было на общем собрании. Потом ей, видимо, доложили о том, что здесь обсуждалось, и она примчалась высказаться.

- Да что же это такое! Куда мне деваться с ребятишками! Во всех домах мужики есть, а я одна-одинёшенька!

Я метнулась к ней бесшумно и тряхнула за плечи.

- Тише ты! Чего разоралась! Видишь: хозяин отдыхает.

Сырза, ничуть не смутившись, скинула мои руки с себя и подбоченилась.

- Ишь ты, какая дерзкая! Сама ещё хозяйкой-то не стала, а командуешь тут! Дай пройти к Уайбану, пусть скажет, что мне делать. Он теперь мне родня, пусть и помогает.

- Сырза, - проговорила я как можно убедительнее, - не смотри, что ты в полтора раза шире меня. Если сейчас не перестанешь шуметь, я смогу тебя вышвырнуть, да ещё и в собачью лохань головой макнуть! Замолчи немедленно!

Мачеха, наверное, не ожидала от меня такого агрессивного отпора и, зашипев, как кошка, хотела замахнуться по привычке. Однако я сделала шаг к ней навстречу, желая защитить от её истеричного шума бедного Уайбана, и она отступила.

- Иди к старейшинам. Не бросят тебя одну, и детей не бросят. Я тоже тебе помогу. Только не шуми здесь и сейчас. Дай отдохнуть человеку.

Уже в дверях Сырза обернулась, сузила глаза.

- Прямо прикипела к нему, смотри-ка. Слюбилося, значит. Недолго ты к старику привыкала. Я же говорила, что с его богатством тебе и постель его мягкой покажется, а ты не верила. Небось, уже и понесла до свадьбы, бесстыжая... - она плюнула на пол и скрылась.

Меня передёрнуло от её омерзительного яда, руки задрожали. Сейчас пойдёт мести языком по всей деревне.

- Аяна, - позвал меня старик.

Наверное, он всё это слышал. Как неприятно.

Я набрала кружку воды и поднесла ему. Он отпил немного.

- Ты умница, Аяна, красивая и сильная, - его бескровные губы чуть тронула улыбка. - Хорошей женой будешь кому-то.

- А ты поправляйся, давай. Ещё и твоей буду, - сморгнула я слёзы.

Мне было очень стыдно, ведь я знала, что он не поднимется уже, и поэтому могла сказать ему так. Хоть немного порадовать и подбодрить. Пусть даже это было и неправдой.

Уайбан понимающе улыбнулся и приложил руку к своей груди, к сердцу. Я его поняла, сказала сдавленным голосом:

- Ты отдохни. Я здесь буду.

Сидела рядом, пока старик не погрузился в глубокий сон, и только потом встала. Стараясь не шуметь, приготовила творожники и ягодный соус к ним. Заварила облепиховый чай с мёдом и мятой.

Представила, что сейчас творится в деревне: все охвачены страхом, прощаются с домами, которые строили своими руками, растили в них детей, радовались и печалились. А теперь нужно всё бросать и уходить.

Я решительно поднялась. Нужно идти к старейшинам. Распределить, кто чем будет заниматься. Кто лес рубить, ров копать. Помогать тем, у кого ребятишек много: трудно им будет управиться.

Одевшись, я пододвинула поближе к постели Уайбана столик с едой и питьём и вышла на улицу.

Дул ветер, колючая крупа била по щекам. Унты вязли в рыхлом снегу. По дороге я смотрела на кромку леса, местами практически уже подступившего к деревне. Это было удобно: за ягодой, грибами, орехами далеко ходить не надо.

Лесные пожары случались, но в этих местах давно не было. И о них как будто бы забыли, беззаботно давая молодой поросли подбираться с каждым годом всё ближе.

В доме старейшины было много людей. Каждый пришел со своим личным вопросом. Их у жителей стойбища сейчас было ох как много.

Старейшина увидел меня от двери. Махнул рукой, чтобы села рядом, как будто я не девчонкой зелёной была, а равной ему.

- Хорошо, что пришла, Аяна. Как Уайбан?

Я опустила голову.

- Нехорошо. Даже думать что-то боюсь.

Он похлопал меня по плечу.

- Добрые духи помогут ему. Давай думать вместе, с чего нам начинать. Уже совсем скоро быстро теплеть начнёт, снег сходить будет.

Я подумала немного.

- Нужно решить, кто что будет делать. Кто покрепче из мужчин, можно начинать рубить лес. Женщины пусть увязывают вещи, которые сейчас не нужны.

Старейшина покивал в знак согласия.

- Значит так. Мы завтра съездим за сопку, туда огонь от леса не дойдёт. Будем возить туда срубленные деревья и жечь большие костры, чтобы растопить снег и отогреть землю. Потом разметим, где чья ураса будет стоять. Для скота загон тоже из свежего леса поставим, пусть общий пока будет...

- Можно еще большую урасу поставить, а может даже навес для всякого скарба. Тоже общий. И перевозить туда частями, - вставил кто-то из мужчин своё слово.

Долго еще длились обсуждения. План переезда обретал стройность.

Домой меня подвез ближайший сосед. Он зашел вместе со мной, чтобы проведать Уайбана, посмотреть, жив ли тот.

Старик по-прежнему спал. Но питья в кружке почти не осталось. Значит, просыпался. А вот к еде не прикоснулся.

Сосед сказал, что зайдёт утром и ушёл. Аппетита у меня не было, хотя я и не ела целый день. Однако кружку облепихового, уже холодного чая я осушила с удовольствием.

Старейшина сказал, что скоро резко начнёт теплеть. Значит, я увижу северную весну. Здесь это особое событие. Ысях - праздник солнца. Новый год. У нас он наступает зимой, а у якутов - после долгой полярной зимы.

С завтрашнего дня и до самого переезда у всех будет много работы. Но я знала, что Ысях отменять никто не будет. Обязательно нужно будет встретить богов Солнца, установить для них ритуальную сэргэ - коновязь, украсить её.

Я подумала, что Уайбан обязательно должен увидеть наступление весны. И хоть не была суеверной, по-детски скрестила пальцы, и загадала желание, чтобы так оно и было.

Глава 15

Следующие два месяца пролетели так быстро, что иногда оглядывая почти что готовое новое поселение, я не верила, что мы это сделали.

Летние урасы решено было в итоге разместить на небольшом плато близлежащей сопки. Конечно, пришлось поднимать брёвна и перегонять скот в гору, но оно того стоило.

Само по себе плато было очень живописное, с потрясающим видом. Внизу расположилась наша деревня, лес и река.

Урасы на новом месте выстроились кольцом, а общие хозяйственные постройки - в центре, чтобы всем было удобно и недалеко ими пользоваться.

Еще один большой плюс этого места был в том, что всего лишь в сотне метров между камнями, поросшими мхом, журчал ручей: не нужно было ехать к реке за водой.

Снег здесь уже стоял. Земля была покрыта бойкой молодой травой и подснежниками.

Я постояла немного, просто глядя вниз, где копошились маленькие фигурки моих соплеменников. Все поспешно собирали последние вещи, чтобы успеть переехать до праздника Ысях.

Некоторые уже переселились и с удовольствием обживались. Дети бегали вокруг босиком с радостными воплями, рискуя отхватить от матерей шлепков: тепло было очень обманчиво. Солнце ещё только окрашивало горизонт, не торопясь потягиваться первыми лучами после долгого зимнего сна.

Я подошла к нашей с Уайбаном урасе, которую ставила вместе с мужчинами стойбища. Несмотря на свои околонулевые инженерные способности, взялась за это со всем рвением. Не хотела отличаться от остальных женщин. Те вообще могли поставить этот лёгкий летний дом практически в одиночку.

Ураса представляла собой конус, состоящий из наклонных длинных жердей, расположенных по кругу, скрепленных в средней части поясом из тонких бревен и перекрытых шитыми кусками специально обработанной бересты.

Весь строительный материал я готовила собственноручно. И жерди обтёсывала, и бересту выделявала. Для этого нужно было её выварить, затем выскоблить ножом верхний слой и сшить конским волосяным шнуром в полосы.

Помещение получилось просторным, хорошо проветриваемым. Внутреннее убранство почти не отличалось от балагана: также вдоль стен располагались лежанки, а на столбах крепились предметы домашнего обихода.

Наводить прочую красоту было пока недосуг, поэтому коврики и вышивки ожидали своей очереди, сложенные стопками.

Уайбан ещё находился в нашем зимнем доме. Было решено, что его мы перевезём в последнюю очередь, прямо перед праздником.

Бедному старику так и не стало лучше. Он много спал, а когда приходил в себя, то, бывало, срывался на меня, ругаясь по самым разным поводам, в целом придуманным.

Я понимала, почему это происходит. Его мучили боли и сознание собственной беспомощности. Мне было это знакомо. Миша уходил от меня практически так же.

Когда приступы агрессии и психоза у шамана проходили, он места себе не находил: каялся и просил у меня прощения за то, что снова накричал.

- Прости меня, Аяна. Прости, дочка, - шептал он.

Я поправляла ему постель, стараясь не потревожить, и легко пожимала плечами.

- Перестань ты просить прощения, было бы из-за чего. Я не обижаюсь, правда-правда.

Оруунэ, которая во время строительства летнего стойбища жила у нас, округляла глаза:

- Как ты терпишь его только! На меня даже хотун так не кричала никогда.

- Пусть, - коротко отвечала я ей. - Ему больно и страшно. Он не нарочно.

А сама задумалась. Я, в общем-то, всегда была терпимым человеком. Может, это была врождённая черта характера, а может, мне пришлось воспитать её в себе.

Да, наверное, с того момента, когда я получила свою травму и пришлось принять свою жизнь в ином виде. Не такую, как я надеялась и планировала её провести.

Жить Мишиной мечтой, его впечатлениями. Не роптать и не жаловаться. Как там пелось в когда-то популярной песенке: “вместо любви научилась терпению”.

- Ты смотри мне, не обижай его, когда меня нет рядом. Не обращай внимания, если вдруг кричит и ругается.

Оруунэ из-за беременности не могла вместе со всеми работать на строительстве нового стойбища, поэтому днём смотрела за шаманом она. А я трудилась на сопке.

- Что ты, что ты, - испуганно замахала она на меня ладошками. - Я его до смерти боюсь, хоть он и лежащий.

- Это ты зря, - ответила я ей, - он очень добрый.

Оруунэ послушно кивала и боязливо поглядывала в сторону старика.

Рожать она собиралась со дня на день, но очень хотела, чтобы ребенок родился уже в новом доме. Поэтому она постоянно напевала будущей дочке, как она надеялась, песни собственного сочинения о том, как хорошо будет на горке встречать солнышко.

Вся наша живность уже перекочевала наверх, днём я успевала забежать, задать всем корм.

Урасу нужно было протопить, прогреть, прежде чем перевезти сюда Уайбана. Заполнить дровяник, набить матрасы и подушки сеном, застелить шкурами лежанки.

Кроме этого, помочь другим, кто в этом нуждался. Та же Сырза приволакивалась через день, да каждый день(раз) с какой-нибудь жалобой. Этой женщине всё время чего-то не доставало. По её мнению, я была обязана бросить всё и “вернуться в семью”, чтобы заняться её делами.

И один раз я всё-таки пришла. Дома у мачехи, как говорится, конь не валялся. Мальчишки, как обычно, бесились. Тойка сидела в своём углу, насупившись. Сама Сырза, завывая, ругалась на то, что это всё свалилось на её бедную голову.

- Вы вещи собирать думаете вообще? - спросила я, оглядываясь и приобнимая братьев, которые принялись скакать вокруг меня.

Сырза кинула взгляд в мою сторону и отвернулась. Тойка пересела к ней, выражая полную солидарность.

- Что я одна могу сделать? Останемся здесь, пусть даже сгорим.

Пацанята застыли на месте, разинув рты, готовые заорать. Вот черт, ещё ведь и детей пугает.

- Что делать? - переспросила я с вызовом. - Вставать и ручками вещи складывать, увязывать. Выносить из дома.

Кто мимо будет ехать, ваши узлы подхватят. А урасу вам поставили уже. Ты думаешь, за тебя вообще всё сделают? Сиди тогда, а я детей заберу.

- Вот ещё! - растерянно выкрикнула Сырза. - Куда это ты их заберёшь?

Наверное, боялась, что гостинцев она в таком случае больше не увидит.

- Значит так, - для убедительности я упёрла руки в бока. - Я помогу тебе управиться здесь. Но только если ты тоже встанешь и будешь работать. А иначе я ухожу.

Пришлось бедняжке встать и, причитая, начать изображать деятельность.

Мальчишек я быстро организовала. Смышлёные бесенята охотно помогали мне, подтаскивая вещи и посуду. Тойка сначала фыркала, саботируя совместный труд, но потом и она нехотя встала.

Так-то лучше. В общем, перевезли и их. Не за один день, конечно. Иногда мне казалось, что переезду этому конца не будет видно. Шутка ли, целой оседлой деревне с места сняться.

Однако настал и этот день. Я наконец-то могла выдохнуть и расслабиться, обустроивая дом и удобное место у окна для Уайбана. Можно было перевозить его. До праздника оставалось два дня.

Мы покинули деревню последними. Уайбан полусидел в нартах, которые я устелила шкурами. Каюр взял в руки Арчын. Сама я править не решилась, у меня ещё так себе получалось. Одно дело, когда собачки меня с вещами и дровами весело переворачивали, а другое - когда нужно было перевозить старого больного человека. Арчына они послушались беспрекословно, хитрюги. Потасили нарты сильно и ровно. А со мной только и играли.

- Молодец, дочка, - похвалил меня Уайбан, оглядев урасу. - Ладно получилось.

На следующий день я собиралась устроить себе полноценный выходной от всех дел. Вот просто не делать ничего. Еду заранее приготовила и начала уже бездельничать. Но не угадала: спозаранку за мной примчался взъерошенный Арчын. Оруунэ решила рожать именно сегодня. Пришлось быстро собираться и бежать держать подружку за руку.

В доме Омайона уже колдовала повитуха и другие женщины, а Оруунэ вопила что есть мочи. Я не особенно разбиралась в деторождении, но судя по всему, процесс был в разгаре.

- Аяна! - увидела меня роженица. - Аяна, иди сюда!

Я кивнула повитухе.

- Как она? Всё хорошо?

Та уверенно кивнула и полезла Оруунэ под рубашку, приложила ухо к животу, слушая ребёнка.

Пол урасы был устлан сеном. В земляной пол была вбита палка-рогатина: на неё, тужась, обычно опирались роженицы. Пока что Оруунэ ещё лежала на спине, и я смогла к ней подойти.

- Ну что ты, мышка моя? Скоро уже всё закончится, и ты увидишь своего младенчика.

- Аяна, а вдруг я умру? - плаксиво простонала Оруунэ. - Ой, больноооо...

- Вот глупая, - погладила я её по голове. - Держись, не раскисай. Ребёночку сейчас твои силы нужны. Ты помогай ему.

Повитуха одобрительно кивнула и скомандовала мне:

- Бери её под руку, пора.

Оруунэ подвели к рогатине и она взялась за неё двумя руками.

- Давай! Давай! - принялась ускорять процесс повитуха. - Ещё давай!

И через несколько минут раздался звук, похожий на "плюх" и плач. Сначала похожий на писк котёнка, а потом всё более уверенный, требовательный и громкий.

- Девочка! - объявила повитуха. - Новая девочка!

Женщины радостно загалдели, захлопали. Хлопала и я, не скрывая слёз. Как же хорошо, что я застала рождение малышки, своей тёзки.

Вернувшись домой, я сообщила новости Уайбану. Он тепло улыбнулся.

- Хорошо... - промолвил он умиротворённо. - Новая жизнь это радость, это счастье.

И стал смотреть в окно. Туда, где завтра должен был показаться первый луч солнца.

На следующий день все жители стойбища: молодые, старые, дети вышли встречать свой новый год. Люди собирались в большой Осуохай-хоровод и двигались медленно, плавно по направлению солнца. Хоровод должен был двигаться долго, иногда бывало и по несколько часов, пока не покажутся первые лучи.

Несколько девушек пели песни, прославляющие богов Солнца. На столах были разложены угощения, чтобы задобрить духов, показать, как им рады от души.

Для Уайбана я приготовила кресло, практически трон. Его сложили из поленьев мужчины стойбища. Устелила шкурами и цветными вышитыми ковриками.

Старый шаман сидел, наблюдая за праздником, чуть покачивая головой, и выглядел умиротворённым.

Я присела рядом с ним и взяла за руку. Однако посмотреть ему в лицо не решалась. Мне казалось, что сейчас, в этот праздничный день, он прощался с этим миром. Я никак не могла избавиться от этого ощущения. На меня навалилось предчувствие беды. Плечи невольно дрогнули.

Шаман, наверное, почувствовал, прочитал мои мысли.

- Не надо, Аяна, не плачь. Ещё ни одну весну в жизни я не встречал таким счастливым. Всё потому, что ты была рядом. Спасибо тебе, дочка...

Из просвета в сером небе выглянул первый луч солнца, затем ещё один и ещё. И мне показалось, что они освещают дорогу, по которой мне вскоре суждено будет отправиться.

“Главный вѣстникъ Н-скихъ сплѣтѣнъ сообщаетъ, что въ городъ заехала вѣсьма загадочная особа жѣнскаго пола.

Дама, скорѣя всего, благородныхъ кровѣй и знатнаго происхождѣнія. Она успѣла отличиться эксцентричными выходками.

Вначалѣ, посѣтивъ игровой домъ для джѣнтльмѣновъ, съ лёгкостью проиграла нѣсколько драгоценныхъ камнѣй. На слѣдующее утро была замѣчена въ мѣстномъ базарѣ, покупающей пушнину, шкуръ, восточные коврѣ и ткані.

Даму сопровождаютъ двое охранниковъ, сама же она сохраняетъ инкогнито и не снимаетъ вуалѣй, скрывающихъ лицо.

Кто она и зачемъ прібыла въ Н-скъ, пока что нѣизвѣстно.

Прізываемъ всѣхъ городскихъ сплѣтниковъ присоѣдиниться къ нашему расслѣдованію и раскрыть сію загадку.”

Кинув газетёнку на изысканно накрытый кофейный столик, я взглянула на мужчину с рыжеватыми волосами и такой же аккуратно подстриженной бородой. Он смотрел на меня хитрыми зелёными глазами, чуть склонив почтительно голову.

- Вы довольны, госпожа? - спросил он меня. В голосе явно читались горделивые нотки.

- Прекрасно, Елисей Иванович. Просто не к чему придаться. Зайди попозже, у меня будет несколько распоряжений.

Мужчина поклонился и вышел, аккуратно прикрыв за собой дверь.

Я взяла еще раз газету в руки и пробежала текст глазами. Мне даже не верилось, что я смогла всё это проверить. Однако, всё по порядку...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.